ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 19 (71)
8 МАЯ
1943 г.

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

Цена 45 коп.

...Народам Советского Союза и их Красной Армии, равно как нашим союзникам и их армиям предстоит еще суровая и тяжелая борьба за полную победу над гитлеровскими извергами. Эта борьба потребует от них больших жертв, огромной выдержки, железной стойкости. Они должны мобилизовать все свои силы и возможности для того, чтобы разбить врага и проложить таким образом путь к миру.

И. СТАЛИН.

Работать с удвоенной энергией

На весь мир прозвучали мужественные, полные спокойного и уверенного оптимизма, слова первомайского приказа Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина.

Этот приказ подводит стратегические итоги почти двухлетней битвы советского народа против фашистских захватчиков и раскрывает перспективы дальнейшей борьбы. Сталинский гений дает советскому народу ключ к победе. Перед каждым воином и тружеником тыла сталинский приказ ставит четкие и ясные задачи, от выполнения которых зависит успех нашего великого дела — священной войны за жизнь, честь и культуру народов Советского Союза.

Товарищ Сталин призвал рабочих, колхозников, всю советскую интеллигенцию работать для фронта с удвоенной энергией. Товарищ Сталин напомнил завет великого Ленина: **«Раз война оказалась неизбежной — все для войны, и наивысшая распущенность и недостаток энергии должны быть караемы по закону военного времени».**

Работать с удвоенной энергией! Еще и еще мобилизовать силы, таланты и знания, чтобы умножить материальные и духовные средства борьбы, чтобы обрушить на голову врага сокрушающие удары.

Боевой приказ Верховного Главнокомандующего вызвал широкие и действенные отклики по всей стране.

Воины на фронтах дают клятву свято выполнить каждое слово приказа, поднять свое военное мастерство, быть готовыми к решающим боям с фашистскими захватчиками. В тылу рабочие и колхозники отвечают на приказ новым подъемом социалистического соревнования, отвечают новыми тысячами тонн металла, увеличением выпуска оружия, подготовкой богатого весеннего урожая.

Советская художественная интеллигенция вместе со всем народом честно и самоотверженно с первых дней войны отдает свои силы, знания, талант делу победы. Тысячи артистов, художников, музыкантов выбывали в действующую Красную Армию, на передовые позиции.

Силой великого гнева, ненавистью к врагу и уверенностью в победе звучат симфонии, созданные советскими композиторами, стихи и повести советских писателей, пьесы драматургов, художественные и хроникальные кинофильмы. Правдивую картину мужества советских людей дают открытые по всей стране выставки советских художников.

Советская художественная интеллигенция в трудных условиях войны высоко держит знамя передового, советского искусства. Она ищет слова, образы, мысли, полные мужества и гнева, чтобы зажигать пожаром подлые преступления фашистских палачей и насильников, чтобы зажечь огонь священной ненависти в сердцах миллионов людей, чтобы показать красоту, силу и мужественную решимость советских людей, отстаивающих честь и независимость своей Родины.

И всё же можно и нужно предъявить советскому искусству новые требования, мобилизовать новые силы, чтобы поднять его на уровень задач, поставленных в приказе товарища Сталина. Сделано многое, но достаточно ценить масштабы событий, предъявить себе грандиозность и значение предстоящих боев, чтобы сказать: надо сделать еще больше, надо работать с удвоенной против прежнего энергией.

Требование товарища Сталина к Красной Армии — безустали совершенствовать свое боевое мастерство в полной мере относится и к каждому бойцу идеологического фронта. Это одна из главных задач, далеко еще не решенная деятелями искусства и литературы.

Вторая задача, не менее важная, — найти волнующие и понятные миллионам темы и образы общенародного значения, повысить действенную роль искусства, как средства духовного вооружения народа.

Художники нашего поколения — свидетели и участники событий, о которых сохранится навсегда память в мировой истории. Героическая тема занимает и будет занимать всё большее и большее место в творчестве советских художников. Героическая действительность волнует творческое воображение, она побуждает создавать произведения искусства, полные призывной силы, страсти, темперамента.

Может ли большой мастер искусства пройти мимо величественной эпопеи Сталинграда? Разве может не волновать художника патриотическое движение, начатое колхозником Ферапонтом Головатым и ставшее всенародным?

Готовы ли мы к воплощению таких тем, представляет ли каждое наше художественное произведение действенную силу в разворачивающейся гигантской борьбе? Эти вопросы должен ещё и еще раз задать себе каждый деятель советского искусства и литературы, стремящийся делом ответить на приказ товарища Сталина.

Наше время снимает различия и противоречия между искусством агитационным, рассчитанным на силу воздействия сегодня, и искусством, увековечивающим на долгие времена выдающиеся образы и события наших дней. Подлинное и высокое произведение искусства несёт в себе оба эти качества. Если в произведение искусства вложено горячее сердце художника-патриота, его талант, его ум, помогающий выбрать большую, самую важную тему, это произведение будет оружием для нашего народа сегодня и памятником непреходящих дней для грядущих поколений.

Задача художественной интеллигенции — создавать большое искусство, отвечающее масштабам и историческому значению борьбы против фашизма, с каждым днём увеличивать духовную мощь и духовное богатство борющегося советского народа. Современное искусство — оружие народа, собирающего силы для решающего удара по врагу, и вместе с тем это — искусство, на котором будут воспитываться дети и внуки наши, будущие граждане нерушимо свободной советской страны.

Таких выдающихся произведений искусства народ ждёт прежде всего от своих любимых художников, передовых деятелей и мастеров нашего искусства. Они заслужили слово и доверие народа. Они должны идти вперёд в своём творчестве. Их новые картины, пьесы, книги, фильмы, музыкальные произведения будут служить примером и образцом для творчества многих тысяч советских художников.

Задача творческих союзов, задача организаций, руководящих искусством, — всесторонне продумать выводы, которые армия работников искусства должна сделать из приказа товарища Сталина, поднять чувство мобилизованности художников накануне решающих сражений, целенаправленно направить всё более и более возрастающую творческую энергию, патриотическое воодушевление и инициативу работников искусства. Надо во время поддержать каждое новое начинание, во время указать на самые важные и большие темы, которые ждут внимания художников.

На приказ товарища Сталина советская интеллигенция отвечает новым подъёмом творческих сил. С удвоенной энергией и воодушевлением наши драматурги, художники, актёры, музыканты будут создавать новые художественные произведения, способные мобилизовать народ, укрепить его силы, вооружить его духовно.

Работники искусства нашей страны, выше творческую активность! Будьте ближе к народу в своих творческих устремлениях! Всегда помните одну и главную цель — помочь нашему народу и Красной Армии окончательно разгромить врага! В ответ на первомайский приказ товарища Сталина — создадим новые художественные произведения, которые укрепят и воодушевят духовные силы народа для нанесения решающих ударов по врагу, для достижения окончательной победы над фашизмом!

Вперед к решающим сражениям с немецкими захватчиками.

Рисунок П. ОСОКОВОЙ-ОСАДЧЕ

Приказ вождя зовет к новым творческим успехам боевого советского искусства

НА МИТИНГАХ В ТЕАТРАХ СТОЛИЦЫ

У МХАТОВЦЕВ

С большим воодушевлением встретили работники театров столицы первомайский приказ Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища И. В. Сталина.

Общее собрание работников МХАТ СССР им. Горького обратилось с письмом к товарищу Сталину.

«Вместе со всем Советским Союзом мы принимаем ваш приказ как неизменное, непосредственное руководство к действию, — пишет коллектив МХАТ. — Нам легко перевести ваше мудрое требование к войскам Красной Армии в план наших внутренних задач и обязательств в жизнь советского искусства. «Всеми силами помогать Красной Армии в её борьбе с подлыми гитлеровскими захватчиками» — эти слова вашего боевого приказа обращены и к работникам советского театра. Нет ничего более важного для нас в дни войны. Этим стремлением мы живём и заверяем вас, что этими помыслами будут и впредь наполнены труды и дни Московского Художественного театра».

В ФИЛИАЛЕ БОЛЬШОГО ТЕАТРА

Многолюдный митинг состоялся в Филиале Большого театра Союза ССР.

В антракте спектакля «Иван Сусанин» на сцене кроме участников спектакля, собрался весь творческий коллектив театра. На митинге выступили секретарь партбюро М. Бобровникова, артистка В. Кригер, Л. Балдина.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА

1 мая в артистическом фойе Музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко перед началом спектакля «Суворов» собрались все работники театра.

На митинге, посвящённом первомайскому приказу товарища Сталина, выступили директор театра В. Маркарян, режиссёры Н. Златогоров, П. Марков и И. Туманов.

Работники театра приняли конкретные обязательства: к 1 июля выпустить балетный спектакль «Лоэ», посвящённый борьбе испанского народа за независимость во время оккупации Испании Наполеоном; возобновить в репертуаре театра крупнейшие постановки Вл. И. Немировича-Данченко и К. С. Станиславского — «Севильский цирюльник», «Цыганская невеста», «В бурю», «Травиата»; выпустить 25 августа 1943 г. оперу композитора Ив. Дзержинского «Надежда Светлова», посвящённую отечественной войне советского народа против гитлеровской Германии.

ПЛАКАТЫ, ПОСВЯЩЕННЫЕ СТАЛИНСКОМУ ПРИКАЗУ

Художники мастерской «Окна ТАСС» приступили к работе над плакатами на тему первомайского приказа Верховного Главнокомандующего товарища Сталина.

Кукрыниксы заканчивают плакат на слова приказа: «Враг уже видит силу сокрушительных ударов наших войск. Близится время, когда Красная Армия совместно с союзными нашими союзниками сломает хребет фашистскому зверю».

Завет Ленина «Раз война оказалась неизбежной — всё для войны» — является темой плаката В. Иванова.

В ближайшие время плакаты должны быть закончены и выпущены массовым тиражом.

ВСЕНАРОДНЫЙ ПОД'ЕМ

ПЕРВОМАЙСКИЙ ВЫПУСК КИНОЖУРНАЛА

Выпускаемый Центральной студией Союзкинохроники № 30 посвящён празднованию 1 мая на фронте и в тылу.

Фронтовые кинооператоры прислали ряд с'ёмок, показывающих исключительный под'ём, с которым бойцы и командиры Красной Армии встретили первомайский приказ Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина. Зритель увидит момент чтения приказа перед строем в авиаэскадрильи, где командиром майор Диденко, в отдельном гвардейском батальоне, в Н-ской танковой бригаде.

Журнал монтировала режиссёр И. Сеткина.

Артисты на полях весеннего сева

РЯЗАНЬ. (От наш. корр.). На полях колхозов Рязанской области начали сев. Работники профессионального и самодеятельного искусства мобилизовали все средства своего мастерства в помощь своему большому государственному делу. На весь период весенних работ в различные районы области выехали три концертные бригады профессиональных артистов, певцов и инструментальщиков.

Бодро, по-военному, отдыхают самодеятельности организованы на местах. Так, например, в колхозы Ф. Ф. Энгельса выступают бригады Сосновского, Ухоловского, Шацкого и других Домов культуры. Кроме хорошего отдыха, занятий в музыкальных кружках сельского и самодеятельности работники, они включают в свои программы злободневный материал на военные темы.

* * *

КУЙБЫШЕВ. (От наш. корр.). Для обслуживания колхозников во время посевной сева на шести колхозах первые три концертные бригады Куйбышевской филармонии. Каждая филармоническая бригада в составе или три бригады.

Самодеятельные бригады артистов поездки Театр кукол и ТЮЗ.

Балалаечный Большого театра Союза ССР и Куйбышевский драматический театр им. Горького дают на время посевной ряд концертов в прифронтовых колхозах. Областной кукольный театр, работающий в Оренбурге, выделил три бригады, которые обслуживают колхозы Новосергиевского района.

* * *

ФРУНЗЕ. (От наш. корр.). Лучшие артисты и художники Фрунзе выезжают в различные районы Киргизии для организации обслуживания колхозников в период полевых работ.

На торжестве открытия выставки три бригады колхозов Киргизской государственной филармонии им. Чкалова. Бригада заслуженного артиста Киргизской ССР Мука Бектова выступает в колхозах Тянь-Шаньской и Таласской областей. Другая бригада, состоящая из артистов Джалалабадской, обслуживает Ошской-Курганской области и районы Таласской долины. В составе бригады народный акын Альмуар Усубалиев.

В колхозы Кировского выехали три бригады художников. Художники Дыдыкин, Чубаков, Ужанский, Ниворожкин, скульптор Мавлянов и другие посвятили свою творческую работу к культурному обслуживанию колхозников.

* * *

ЯРОСЛАВЛЬ. (От наш. корр.). Ярославский театр им. Волкова отправил две бригады артистов по обслуживанию колхозов Ярославской области и области. 20 апреля в помещении театра состоялись для колхозников первые три концерта. На митинг обо бригадах выступили и колхозники, доярки, трактористы и другие. В первой бригаде, в составе которой 10 человек, Разработано десять оригинальных миниатюр. Намечено проведить до 100 концертов и показать колхозникам многие новые пьесы «Русские люди» и комедию «Недоросль».

* * *

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Сеть колхозных бригад художников области уже развернули на делах искусства в районах Ленинградской области для организации обслуживания колхозников в эти дни. Аппараты областной филармонии, концертные и драматические театры — в первых числах апреля дали колхозам свыше ... концертов.

Второй военный первомай

ГОРОД-ФРОНТ НА ЭКРАНЕ

ЛЕНИНГРАД. (По телеграфу от наш. корр.). Восемнадцать кинооператоров снимали на передовой линии Ленинградского фронта, на кораблях Балтики, фронтах и аэродромах, на заводах и в госпиталях, на празднично украшенных улицах города второй военный первомай в Ленинграде.

Заснята первомайская вахта на фронте, на Балтике и в городе, передача танковому экипажу боевой машины, досрочно отремонтированной на ленинском заводе, и другие интересные кадры. Операторы-режиссёры Е. Учитель и Г. Трофимов монтируют из снятого материала очередной выпуск кинокурнала «За советскую родину, за город Ленина!».

ПЕРВОМАЙСКИЙ УСТНЫЙ АЛЬМАНАХ

Следуя установившейся традиции, Ленинградское отделение Союза писателей провело первомайский устный альманах.

Альманах открылся «передовой» Б. Лихарева. О. Берггольц, Е. Рывина и Л. Попова прочли новые лирические стихи. Б. Тимофеев и Н. Колесников — сатирические фельетоны. Отдел прозы был представлен Вс. Вишневским, прочитавшим отрывок из книги «Крепость Кронштадт». В конце альманаха были прослушаны литературные пародии А. Флита на стихи поэтов Либер, Берггольц, Поповой, Прокофьева, Дудина.

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ СПЕКТАКЛЬ-КОНЦЕРТ

МОЛОТОВ. (По телеграфу от наш. корр.). В Молотовском театре им. Пушкина с большим успехом прошел первомайский концерт-спектакль.

Первое отделение концерта — вокальное — было посвящено стихотворению советских поэтов и музыкальным произведениям советских композиторов об Урале. Второе, балетное отделение представила балетмейстер Н. Александрова, состоящая из хореографических сцен на национальные уральские темы.

Оперное музыкальное творчество композиторов-учителей Ф. Фельдгаузера, обновляющее — Ф. Фельдгаузера.

Патриотический спектакль-концерт был тепло принят молотовскими слушателями и повторялся несколько раз.

ВЫСТАВКА ХУДОЖНИКОВ КИРГИЗИИ

ФРУНЗЕ. (От наш. корр.). К 1 мая в залах Государственной картинной галереи открылась художественная выставка, посвященная Красной Армии, героям Отечественной войны—фронтовикам, и передовикам тыла, лучшим людям Киргизии.

На выставке представлены работы заслуженных деятелей искусства Киргизии художников Чубакова, Абдиева и других. Посетители выставки знакомятся с произведениями живописи, графики и скульптуры и с творчеством архитекторов Киргизии, проектами памятников героям Отечественной войны.

Фильм „Сталинград сегодня"

КУЙБЫШЕВ. (По телегр. от наш корр.). Куйбышевская студия кинохроники приступила к с'ёмке фильма «Сталинград сегодня». Бригада под руководством лауреата Сталинской премии режиссёра И. Посельского и писателя Б. Агапова выехала в Сталинград.

В фильме будут показаны места героических боёв, а также помощь, которую оказывает всё страна в восстановлении города-героя.

ПЬЕСЫ О КОМСОМОЛЕ

ЦК ВЛКСМ и Комитет по делам искусств при СНК СССР организуют закрытый конкурс на пьесу к исполняющимся осенью текущего года 25-летию Ленинского комсомола.

В конкурсе участвуют 10 писателей.

КОНКУРС КОМПОЗИТОРОВ УЗБЕКИСТАНА

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Подведены итоги конкурса Союза композиторов Узбекистана на лучшие музыкальные произведения, посвящённые 25-й годовщине Октябрьской Социалистической революции.

Первые премии по произведениям крупных музыкальных форм присуждены: лауреату Сталинской премии, народному артисту Узбекской ССР Мухтару Ашрафи за «Героическую симфонию». Вторые премии получили авторы патриотических опер А. Козловский («Подвиг Бекташа») и Г. Тарапов («Ледяное побоище»).

За произведения массового характера первые премии получил композитор Олег Чишко (песни «Советские гвардейцы», «Бойцы», «Боевитый заветов»). Вторые премии присуждены композиторам А. Абдуллаеву (марш «Узбекский боец»), Л. Шварц (марш «Узбекистан») и В. Беляеву (марш «Привет Узбекистану»).

По произведениям камерного жанра первые премии присуждены композитору Г. Мушелю за «Газели», «3 пьесы» и песню «Рустам». Вторые премии получили В. Успенский (песня «Узбекистан») и Ю. Кроль («Узбекский скиф»).

* * *

Опера «Ледяное побоище» с успехом идёт на сцене Ташкентского театра оперы и балета им. Свердлова.

Марш Л. Шварца и В. Беляева, пьесы и песни Г. Мушеля и О. Чишко издаются Госиздатом Узбекской ССР.

Гургин БОРЯН

Девушка, чьи волосы поседели

Она ещё вчера, как майский день, цвела,
Но посещала скорбь девичий порог,
Газелью трепетной ещё вчера была
Солнцеволосая, не знавшая тревог.

Погасло золото сверкающих кудрей, —
Печаль осыпала их снежным серебром,
Жестокою зимой скорбь постучалась к ней:
Потеряна семья, разрушен отчий дом.

Весною тает снег. Но вот пришла весна,
А всё не тает он, — блестит в косе густой.
С какою же весной исчезнет седина —
Серебряный снежок головки молодой?

О, только ярый гнев растопит этот снег,
Лишь пламя мщения, что грудь народа жжёт.
Пробьёт победы час, осветит солнце всех
И с новою весной растают снег и лёд.

Перевела с армянского Вера Звягинцева.

Бор. ГОРБАТОВ

ФРОНТОВОМУ ЖУРНАЛИСТУ

Когда думаешь над тем, какие чувства движут нашим народом в войне, ведут воина на смертный бой, вдохновляют героя на подвиг доблести, вдову или мать героя на подвиг мужества, работника тыла на подвиг труда, видишь их, этих чувств, — два: любовь и ненависть. Великая любовь к родине, великая ненависть к врагу.

Мы много говорим о любви, товарищ. Давай поговорим о ненависти.

Велика сила ненависти! Она мирного, глубоко штатского человека превращает в воина, скромного солдата — в героя, старика-пасечника — в народного мстителя, девочку-школьницу — в Зою Космодемьянскую.

Когда побываешь в районах, освобождённых от оккупантов, когда сам, своими глазами увидишь кровавые следы зверя, сожжённую и поруганную землю, костры и виселицы, трупы детей в шурфах шахт, когда сам, своими трепетными руками прикоснёшься к ранам народным, — кровь вскипает в твоих жилах, твои кулаки сжимаются в ярости, месть начинает стучать в твоё сердце. И ты понимаешь: это нельзя забыть, это нельзя простить немцу. Об этом надо кричать, кричать с такой страшной силой, чтобы весь мир содрогнулся, чтобы нигде на земле не осталось спокойного и равнодушного человека. Кровь вопиет о возмездии.

А когда после этого читаешь наши очерки и корреспонденции в наших газетах, где о муках народа рассказывается так же вяло, без жизненного и кипящего, как в сборе угля, в тебе рождается чувство обиды за кровь народа, чувство досады на слишком сытого журналиста. Оказывается, можно прикинуть даже к ужасам? Оказывается, можно даже о страшном писать равнодушно? А у народа сердце сочится кровью. А у народа душа горит лютой ненавистью к врагу. Что ж мы, товарищи писатели?

Чего ждёт, чего требует от нас, журналистов, народ? Правды. Только правды. Нас, военных корреспондентов, судьба поставила свидетелями и участниками великой битвы. Мы многое видим. Мы многое знаем. И мы — люди. И у нас при виде немецких зверств обливается сердце кровью и благородная ненависть неугасимо горит в душе. Отчего же часто пишем мы рыбьими словами, с рыбьим спокойствием и равнодушием?

Как я видел военный журналист, я много видел людского горя. Я видел костры и виселицы, землю под немцем, людей без крова, детей без детства. На это никогда не можешь глядеть спокойно, к этому нельзя привыкнуть. И когда я сижу и пишу об этом, я сам чувствую: жалки мои слова. Не могут они даже в малой степени передать то, что сам же я видел. Не могут косноязычные писания мои передать те чувства, которые во мне самом бушуют при виде кровавых следов немца. Мой язык беден и частит над ним искусство немощен. И это не даёт мне покоя. Кровь замученных стучит в сердце и заставляет искать и искать такие слова, чтоб, прочитав их, никто, нигде даже в самом далёком от войны тылу, не смел остаться спокойным.

Народ требует от нас только одного — правды. Великая сила правды! Она рождает ненависть к врагу. Правда обвиняет, уличает и клеймит зверя. Правда призывает. Правда — на нашей стороне. Правда — на нашем вооружении.

И мы, военные писатели и журналисты, должны уметь увидеть эту правду, понять её и донести людям.

Мы много, хотя и недостаточно, пишем о немецких зверствах, о расстрелах немцами мирных людей, о крови детей и слезах женщин. И всё это — правда. Страшная правда, страшнее не было на земле никогда.

Но вот в Ворошиловграде я видел семью, где никого из близких не убили и не замучили. А жить было невозможно.

Было невозможно жить под немцем, было невозможно дышать воздухом, отравленным запахом немца. Не убили, но в любую минуту могли убить. Могли ворваться ночью, могли схватить среди белого дня на улице. Могли шпырнуть в вагон и угнать в Германию. Могли без вины и суда поставить к стенке; могли расстрелять, а могли и отпустить, посмеявшись над тем, как человек на глазах седеет. Могли — и это было хуже, чем если б уж убили. Над каждым домом в городе чёрной тенью нависла и расползалася страх.

Законов не было. Суда, права, порядка не было. Были только приказы. Приказы точно устанавливали, каких человеческих прав лишён человек.

И вся жизнь горожанина состояла в том, чтоб прятаться. Прятаться от немца, посторониться, когда он шагает по улице, укрыться, когда он входит к тебе в дом, уклониться, когда он тебя ищет. Жить было невозможно.

Мы часто пишем, хотя и недостаточно об ужасах гестаповских застенков. И всё это — правда. Страшная правда, от которой кровь леденеет в жилах.

Но в том же Ворошиловграде жители с ещё большим ужасом рассказывали мне о немецкой бирже труда.

Только немцы умеют мирные слова наполнить ужасом. Только немцы умеют всё превратить в застенок. Застенком, где пытали ребячьи души, была школа. Застенком, где на русских больных немецкие врачи пробовали свои яды, была больница. Застенком были театр, церковь, улица. И самым ужасным застенком была биржа труда.

Сюда никто не приходил по доброй воле. Сюда волокли схваченных в облаве, изловленных на улице, вытащенных из подвалов и погребов людей. Еще час назад у этих людей было жалкое подобие свободы. У них были имя, семья, дом, мечты, надежды. Здесь, на бирже труда, всё было кончено для них. Вместо имени — бирка, вместо дома — вагон с решётками, вместо воли — каторга, вместо семьи — чужбина. Здесь, на бирже, происходило мучительное расставание людей с волей — в судорогах и борьбе. Люди с ужасом отталкивали прямо от своей шеи. Они кричали о своих правах человека, и их жестоко, до полусмерти избивали.

И когда слушаешь простые, правдивые, бесхитростные рассказы людей о том, как жили они под немцем, как надрывались немцы над душой человека, как топтали, как сечили детей, — понимаешь: страшна не смерть на виселице, но жизнь под немцем хуже самой мучительной смерти.

И об этом надо рассказать, — рассказать всем, кто этого не знает, кто не испытал сам, но должен знать, чтоб где-нибудь в Сибири или на Урале, отливая сталь для наших танков, чувствовал: это — возмездие немцам, это — наша расплата с ними. И не успокаивался бы, и работал бы яростно, себя не жалея.

Давай же, товарищ, по перу и оружию, рассказывать ярче, талантливее и беспощаднее правду о немцах, страшную правду о зверях, которых, во имя гуманности, надо уничтожить.

Пусть душа журналиста, переполненная ненавистью к врагу, подскажет нам огненные слова, слова-бичи, слова-снаряды. Чтоб били они по врагу, чтоб сжигали, испепеляли врага, чтоб, как набат, гремели они. Нельзя, невозможно успокаиваться. Товарищи, пока ещё стоит гитлеровская Германия, пока ещё катится над нашими людьми злобный враг, пока ещё топчут нашу родную землю немецкие полчища.

За ненависть — она закалает воинов!

За ненависть — она несёт гибель врагу!

ОПЕРА О ЛЮДЯХ ЛЕНИНГРАДА

ЛЕНИНГРАД. (От наш. корр.). Композитор В. Богданов-Березовский написал оперу «Сила войны» (либретто Веры Котляевской) — о Ленинграде и его людях, об их беспримерной стойкости и упорстве. Действие развёртывается в 1941—1942 гг. Опера заканчивается героической арией и заключительным хором, призывом к борьбе и труду для достижения победы над фашизмом.

Постановку оперы «Сила войны» намечено осуществить в Ленинграде к XXVI годовщине Октября. Ленинградский радиокомитет готовит передачу фрагментов оперы в концертном исполнении.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА УССР

О ПРИСВОЕНИИ ПОЧЕТНОГО ЗВАНИЯ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИСКУССТВ УССР РАБОТНИКАМ ИСКУССТВ

За выдающиеся заслуги в области развития советского искусства присвоить почетное звание заслуженного деятеля искусств УССР:

Дерегусу Михаилу Елисеевичу — художнику, доценту Харьковского художественного института.

Евтушенко Доментию Гурьевичу — профессору Киевской академии Лечебно консерватории.

Крыжу Василию Ильичу — художнику, профессору Харьковского художественного института.

Кощицкому Филиппу Емельяновичу — композитору, профессору Института народного творчества Академии наук УССР.

Лыженку Михаилу Григорьевичу — скульптору.

Муравину Льву Давидовичу — скульптору.

Пашенко Александру Сафроновичу — художнику, заместителю начальника Управления по делам искусств при СНК УССР.

Шаронову Михаилу Андреевичу — художнику, профессору, декану Киевского художественного института.

Председатель Президиума Верховного Совета УССР
М. ГРЕЧУХА.

Секретарь Президиума Верховного Совета УССР
А. МЕЖЖЕРИН.

30 апреля 1943 г.

Театры в дни отечественной войны

Центральный театральный музей им. А. Бахрушина готовится к открытию большой тематической выставки на тему «Театры в дни отечественной войны».

По мысли организаторов, выставка должна отразить не только творческую практику советского театра, но и работу театров по обслуживанию военной и оборонной промышленности, выступлениям на заводах, в шахтах. Кроме многочисленных фото, на выставке будут представлены специально заказанные картины: «Спектакль театра им. Ермоловой в шахте» художника К. Кушнерева, «Обслуживание лесозаготовок» В. Домогацкого, Художник С. Ковалевский заканчивает картину «Работники искусства на Фронтстроке», художник А. Петрицкий готовит картину «Посевная в Казахстане».

Составной частью этой выставки явится экспонат развёрнутой сейчас в залах Центрального дома Красной Армии выставки «Театры на фронте», которая будет пополнена видом новых материалов.

Выставка «Театры в дни отечественной войны» открылась в Москве в мае.

По страницам литературных журналов

ЛЕТОПИСЬ ЛЕНИНГРАДА

Никогда ещё журналы наши не держали такой трудный и ответственный экзамен, как сейчас, в суровое военное время. Это — экзамен на стойкость, выдержку, мобильность, на право включения в арсенал боевого оружия, разящего врага. Особенно серьёзна эта проверка для ленинградских литературных журналов, вышедших после долгого перерыва, в осаждённом городе. Появление первых номеров «Звезды» и «Ленинграда» в 1942 году ознаменовало и закрепило возрождение и безостановочный рост культурной жизни Ленинграда в условиях, когда враг стоял у ворот города.

Ленинградская «Звезда» существует 20 лет. В ней сложились свои традиции, свой круг тем и авторов. Всё это сейчас круто изменилось. И многое из старых навыков пришлось преодолевать в темпах военного времени. Известны постоянные, весьма основательные упреки довоенной «Звезде». Академизм, склад исторических романов, местная ограниченность, формалистское построение разделов строго по жанрам — все это сказывалось на довоенной «Звезде».

Военная «Звезда» в первом же номере 1942 года резко сломала эти традиции. Уже самое построение журнала, расположение материала было новым и необычным. Новой была сама обложка, на которой призывно звучали боевые стихи А. Прокофьева: «Бей штыком, гранатой бей!» Первый раздел журнала был сосредоточен на теме мести, теме гордости и боевого национального духа русского народа. Это было выражено в стихах Николая Тихонова о Ленинграде, в особенности в его поэме «Киров с нами». Это прозвучало в стихах Веры Инбер о людях города в осаде, в пьесе М. Тевелева «Звёзды на рейде», в стихах Ольги Берггольц.

В особый раздел были выделены очерки и рассказы первого номера — о народном ополчении, о первом боевом крещении советских людей. В них отражены, главным образом, события, связанные с Ленинградом и всем, что творилось вокруг него. Журнал стал в этом смысле более ленинградским, чем он был когда бы то ни было. И вместе с тем он стал и журналом всесоюзного значения, чего никогда прежде нельзя было о нём сказать. Потому, что на страницах его первого номера Ленинград встал, как боевой форпост сражающейся необъединённой страны Советов, как город, к которому в эти долгие месяцы устремлялись глаза всего мира.

Новым и по-военному интересным оказался и критический отдел первого номера «Звезды», называющийся сейчас: «Искусство и война». В нём помещены статьи по военной истории России, статьи о международной и военной обстановке, статьи и рецензии о работе советских писателей в дни войны.

Если вспомнить реальную обстановку блокированного Ленинграда, в которой появился первый номер «Звезды»,— единственного толстого журнала в городе,—легко представить себе, как прозвучал этот номер, как завоевал он читателя уже самим фактом своего появления.

Таков был старт, обязывающий к разбегу.

Но если говорить на строгом деловом языке военного времени, то нужно признать, что подлинного разбега в последующих номерах «Звезды» 1942 г. не получилось. Дело здесь не в абсолютном или относительном весе литературных произведений, в них опубликованных. О «Звезде» военного времени будут судить так: насколько журнал показал лицо военного и блокадного Ленинграда, насколько в нем отражены этапы борьбы этого великого города, столь разительные по содержанию и внешним формам существования. Насколько сказался в нём рост самих писателей, живших и писавших в эти месяцы в непобедимом Ленинграде?

И с этой точки зрения последующие номера «Звезды» 1942 г. весьма мало двинулись вперёд в сравнении с первым её номером. Если попробовать перетасовать материалы № 2-3 и № 5-6 между собою, обнаружится: от перемены мест слагаемых сумма не меняется. В последнем номере 1942 г. трудно по его материалам определить, что дело происходит уже спустя полтора года с начала войны. По стихам, прозе и очеркам этих номеров нельзя сказать, к какому этапу военной истории Ленинграда и войны в целом они относятся. Журнал превратился в альманах.

Значит ли это, что в указанных номерах журнала нет хороших произведений об отечественной войне и Ленинграде? Разумеется, не значит. Здесь опубликованы: «Ленинградские рассказы» Н. Тихонова, «Пулковский меридиан» В. Инбер, поэма И. Авраменко «Ночь накануне бессмертия», интересные и подлинно боевые стихи, статьи, очерки. Но дело в том, что вещи эти живут отдельной жизнью, независимой от журнала. Кстати, многие из них вышли в свет отдельными изданиями в Ленинграде много раньше своего появления в «Звезде».

По мере выхода номеров «Звезды» не только не отражалось в них течение войны и военной истории Ленинграда. Невесомым осталось и другое: как росли и развивались писатели Ленинграда за время войны. Ведь они приобрели большой опыт военного времени. Между тем, по журналу это трудно определить. И художественные, и критические материалы публикуются часто спустя почти год после своего появления, когда и темы в них затронутые, уже решаются иначе, и авторы их далеко ушли вперёд в своём военно-литературном опыте. Так произошло с рядом критических обзоров работы писателей-фронтовиков, помещённых в «Звезде» чуть ли не с годичным запозданием.

В первом номере «Звезды» за 1943 г. заметен сдвиг.

Инерция преодолена наиболее очевидно в первом разделе, посвящённом прорыву блокады Ленинграда. У журнала нашлись и горячий тон, и политическая острота, и оперативность в самом подборе материала. Статьи Вс. Вишневского: «Наш 1943 год», Н. Тихонова «Ленинград—Волхов», стихи Прокофьева и Решетова—всё это не только отмечает великое событие—прорыв блокады. Всё это делает лицо журнала, говорит реально о времени, о Ленинграде в январе 1943 года и именно об этом.

В разделе «Люди города Ленина» такой же исторической конкретностью отличаются статья А. Макарова «Трудовой героизм ленинградцев» и очерки В. Дружинина «Ленинградские портреты». Во фронтовых рассказах Г. Холопова в разделе «На полях великой битвы» видно, что герои их—бойцы писано 1943 года, по их опыту, понимание перспектив войны, по реальному их фронтовому поведению и психологии.

На страницах журнала появились новые авторы, выдвинутые армией военного времени: С. Ефимов, М. Дудин, П. Никитин. В первом номере 1943 г. снова появился замечательный молодой ленинградский прозаик Эльмар Грин, выпустивший за год до войны талантливую и своеобразную книгу рассказов. Рассказ его «Хейно получил винтовку»—свидетельство зрелой работы этого прозаика в военное время на военном материале.

И хотя далеко не во всех разделах «Звезды» 1943 г. заметно оживление, но очевиден курс на преодоление инерции.

Иначе сложилась судьба другого ленинградского журнала—«Ленинград». Тонкий журнал, рассчитанный на очень широкий и разнообразный по культурному уровню читательский круг, «Ленинград» военного времени сразу стал фронтовым журналом. Авторы его — и писатели, и художники и театральные деятели, и многочисленные военные корреспонденты. Из произведений этих корреспондентов журнал получил сейчас возможность составить альманах красноармейского творчества.

В журнале возникли такие отделы, как познавательно богатая и остроумная «смесь» на военные темы, как «рассказы фронтовиков», как фронтовые частушки, как «Мой папа на фронте», В «Ленинграде», несмотря на малый его объем, систематически печатаются статьи на военно-исторические темы.

«Ленинград» — журнал с живыми, оперативными и боевыми иллюстрациями. Это хорошо задумано и всегда отлично по качеству выполнения. Фотоочерки в «Ленинграде» — всегда яркий и политически острый документ военного времени.

Однако в «Ленинграде» очень трудно встретить мало-мальски интересный короткий рассказ. Жанр этот представлен здесь скупо, серо. А между тем короткий рассказ должен стать душой, центром журнала такого типа, да ещё в военное время, да к тому же во фронтовом городе. Этот несколько поверхностный уклон, якобы фронтовая сверхоперативность мешает «Ленинграду» стать литературным журналом города-фронта — в том объёме и с тем размахом, на какие он смело мог бы посягнуть.

Ленинградские журналы дней войны и блокады должны быть боевым идейным оружием наших дней и «старым, но грозным оружием» для дней грядущих. Вот почему читатель уже сегодня спрашивает с них полной мерой, без скидок на трудности, на спешку, на что бы то ни было. Как и все советские люди и предприятия, во время войны журналы должны работать и быстрее и качественно лучше.

Раиса МЕССЕР.

Голос украинской литературы

Недавно в Уфе вышел юбилейный, посвященный 25-летию Советской Украины номер журнала «Українська Література».

Тебе кому я в тоглях темних,
І в невсипущому хому,
Зро найдорогу з хуж найкращих,
Жагу й любов моєї пальку,

Лагодно небо, грім залпний,
Нуль ти, будем і мат
Тоді, той, мов громовик,
У серці дзвонить голосно

— эти строфы из вступления к новой напечатанной здесь поэме Максима Рыльского «Жага» («Жажда») могли бы стать эпиграфом к журналу в целом, в которой во весь голос звучат чувства и думы украинского народа, его любовь и нежность, страдание и гнев, жажда мести и проклятия врагу, воля к победе.

Вот 70-летний украинский крестьянин Сила Жердяга из повести Семена Скляренко «Україна кличе». Четверть века назад миллионы таких, как Жердяга, осуществили свою вековечную мечту о земле. Теперь он вновь защищает её от чужеземного нашествия, ибо знает, что только советский строй в силах дать людям счастье на этой земле.

Где бы ни сражались сыны и дочери Украины—в тылу у врага или на боевых фронтах, кто б они ни были—больная, лежащая в гипсе киевская девушка Ева («Битва») или балаклавский парень Сашко («Чемпіон») из рассказов Юрия Смолича, героини романтических сказок Юрия Яновского («Українка», «Четвертий — сержант») или новелл Ол. Носенко («Вулиця Стійкості») и Ивана Цюпа («Степанида»),—они всегда и везде мужественно сражаются за свободу и счастье своей родины. «Ходать тонстопині курукулі на торі, вибирають споміж нас собі рабів», — гневно рассказывает танкистам жертвы фашистов — Марийка, у которой, вместо рук — только обрубки, обмотанные марлей, и великая гордость советского человека горит в её душе, когда она зовёт людей: «Е, ні, боєтеся, не на те нас виховав вільний народ! Не на те зростили нас Ленін і Сталін! Не на те Шевченко «Кобзаря» написав! А я йду землею, як святий кобзар, і високо отак несу моєго каліцтво, і гукаю до помсти, і кличу до розплати! Вставайте, вільні люди, вставай, мій, Україно, вставай, радянська земле!»

Клич Марийки отзывается и в стихах Василя Шевчука —

Я вас безмежних наших Рось,
на висотах прикладальний, горі,
я для нашого вітер полів,
і вас, друже полеглих за Дніпр,

и в уверенности Василя Лесика,

Вже свою сонце полем побіжать
І над Дніпром розійдуться тумани,

и в «Думе» Евгена Бандуренка, зовущего —

Ой, йдіть те, горе, тяжкеє—не нечалось
Щоб не мав я в серці ні кам'яного
жалю,
Щоб не мав я жалю, щоб забув
пощаду,
Щоб в крові ворогів утопив досаду,

и в лирических раздумьях Л. Первомайского, твердо знающего —

А хтось сам'ятній в віра одна:
В заплаву, коли пінонятеся вірь,
Над світом підносяться вулиці ріки,
Щоб з росою вріть за нашими сонцем!

Патриотическая и боевая тема, определяющая идейное единство последнего номера «Украинской литературы», к сожалению, далеко не всем нашла для себя высокое художественное выражение. Многословие и надуманные ситуации явно снижают благородный замысел таких произведений, как драматическая поэма Любомира Дмитерко «Серця хоробрих» и драматические новеллы В. Суходольского «Шляхи-дороги». Напечатанное здесь окончание повести Н. Рыбака «Зброя з нами», требующей особого критического разбора, отличается рационалистической нарочитостью даже в лирических отступлениях автора. Схематичен, вял очерк «Каратида» М. Пичугина.

Литература Украины за полгода. В ней мощно звучат жажда мести врагу, боевая готовность к решающим сражениям, чувство братского единства украинского и русского народов—все те чувства и мысли, которыми живёт ныне советская земля.

К. ИВАНОВ.

«Українська література» № 12-14.

УДАЧИ И ОШИБКИ

В последнем номере «Знамени» читателя порадует прежде всего многообразие и значительность поэтического материала. За отдельными исключениями поэтические произведения, напечатанные в журнале, по-своему интересны и ценны.

Большой интерес представляет поэма А. Кулешова «Зимой бреднем». Уже не новый в нашей военной лирике мотив отказа от личного покоя и счастья «в эти дни, когда горе разлилось кровавой рекой», в поэме Кулешова разработан с большой поэтической силой и мастерством. Из простых дневниковых записей, герои поэмы вырисовывается чистый и мужественный образ бойца-патриота, для которого любовь к родной земле и воинская честь выше всех других привязанностей. Полны грустного очарования пейзажные зарисовки поэта, проникнутые болью за родную землю, на которой хозяйничает враг. С большой теплотой нарисованы образы простых советских людей, помогающих бойцам. Поэма мастерски переведена на русский язык М. Исаковским, полностью сохранившим ту простоту и подкупающую убедительность интонаций и образов, которые отличают стихи Кулешова.

Поэма З. Шешовой «Блокада» продолжает лирическую линию раскрытия «ленинградской темы», намеченную в лучших вещах В. Инбер, О. Берггольц и других поэтов-ленинградцев. Подобно «Фронтовому дневнику» Ольги Берггольц, «Блокада» — страстная, горячая исповедь ленинградца, одного из тех многих, кто в страшные дни блокады невской твердыни мужественно продолжал своё дело, выполнял свой долг. Так же, как герои других поэтов-ленинградцев, лирический герой Шешовой силен своей верой, своей кровной связью с окружающими, своей волей к победе:

...пока ты помогаешь старикам
и женщине дорогу уступаешь...
...пока ребенку руку подаёшь
и через лёд заботливо ведёшь
спотвердевшими мелкими шажками,
пока ты веру бережешь, как
знамя,
держись её, и ты не упадёшь!

С хорошим поэтическим темпераментом написана «Баллада о том, как спасся Жак Лекок» П. Антокольского. Посвящённое героическому подвигу французских моряков, это стихотворение кажется созданным одним из участников событий и во многом выглядит как перевод с французского. К сожалению, в отдельных случаях небрежности именно «перевода» (вроде «земного поклона», которым благодарит слушателей французский моряк) портят общее впечатление.

Нельзя отказать в поэтическом даровании С. Гудзенко, автору цикла стихов «Однополчане». Но плохую услугу оказывают молодому поэту те, кто готов представить его стихи чуть ли не образцом военной поэзии. А стихи Гудзенко ещё очень далеки от этого: в них резко ощущается формальная подражательность и наставно проступают не совсем здоровые настроения, если не идущие непосредственно от Ремарка, то чем-то перекликающиеся с ними («Отдых», «Перед атакой»).

Художественная проза представлена в журнале второй частью повести Ю. Либединского «Гвардейцы» (в которой на материале осенних боев 1941 года ставится издавна близкая писателю тема «рождения героя»), двумя небольшими рассказами В. Каверина и В. Кожевникова, фронтовыми очерками Б. Галина «Офицеры» и В. Гроссмана «Сталинград». Наибольший интерес представляют талантливые зарисовки В. Гроссмана, дающие впечатляющую картину незабываемых боёв на берегах великой русской реки. Очерки Галина также значительно поднимаются над уровнем чисто описательного материала и привлекают прежде всего психологической правдой, умением автора тактично раскрыть духовный мир тех людей, которых наблюдал он в течение многих месяцев.

Плохо оправдывает своё название раздел «Критика и библиография». Не говоря уже о случайном подборе материала для рецензирования, лишь в одной из четырёх напечатанных здесь рецензий есть указания на отдельные недостатки разбираемых произведений. Единственная помещённая в этом разделе критическая статья — З. Кедриной о творчестве М. Алигер—вызывает серьёзные возражения. З. Кедрина пытается втиснуть всё творчество Алигер в рамки весьма искусственной схемы. Неуместной и совершенно необоснованной надо признать попытку автора противопоставить поэзию Алигер предвоенному творчеству других поэтов, якобы пронизанному полным благодушием и самоуспокоенностью. О «принципиальности» статьи Кедриной можно судить хотя бы по тому, что строки, по поводу которых критик говорит: «счастье—иметь силы и право рассказать человечеству о рождении этой победы»,— у другого места эти же строки приводятся в качестве образца «обыкновенной истерики», правда, «вызванной серьезнейшими мотивами». Какими мотивами вызваны столь противоречивые оценки З. Кедриной одного и того же стихотворения, понять трудно.

Немалую роль в привлечении материала для последней книжки «Знамени» сыграли ножницы. Кроме очерков Гроссмана, со страниц газет перекочевал в журнал рассказ В. Кожевникова «Тарасюк», в стихи Суркова и Антокольского можно было давно услышать по радио.

От редакции журнала «Знамени» вправе ждать более высокой организаторской активности.

Н. КАЛИТИН.

«Знамя» № 2—3.

В типографии дивизионной газеты.
Из фронтовых зарисовок. В. ПАМФИЛОВА.

Разрушенное гитлеровцами здание Воронежского театра
Рисунок В. ДЕМИДОВА.

ФОНД ПОМОЩИ ИСКУССТВУ ОСВОБОЖДЕННЫХ РАЙОНОВ

Коллектив Куйбышевского театра оперы, балета и музыкальной комедии обратился недавно ко всем работникам искусства СССР с предложением создать фонд помощи искусству районов, освобождённых от фашистских захватчиков.

Сейчас, по решению Комитета по делам искусств, создаётся такой фонд. Он составляется из средств, отчисляемых театрами, концертными организациями и цирками от внеплановых спектаклей и концертов. Кроме денежных средств, в фонд могут быть переданы также постановочные материалы, предметы театрального оборудования, литература и т. д. Для сбора имущества, поступающего в фонд, созданы межреспубликанские и межобластные базы в Средней Азии, Закавказье, в Восточной и Западной Сибири, на Урале, в Поволжье и в Москве.

В обращении председателя Комитета по делам искусств М. Храпченко и председателя ЦК Работников искусств Союза ССР А. Поповского ко всем работникам искусств Союза ССР говорится:

— Немецко-фашистские варвары, в своём безумном стремлении уничтожить культуру русского и других советских народов, нанесли тяжелый урон искусству во временно захваченных ими областях и районах. Разрушены десятки театров и концертных зданий, разграблены и уничтожены музеи, расхищены произведения искусства и ценное имущество учреждений искусства.

Красная Армия изгоняет фашистов из многих областей и готовится к решающим боям, чтобы раз и навсегда изгнать подлого врага из пределов советской земли и окончательно разгромить германский фашизм. Советский народ приступил к восстановлению хозяйства и культуры в освобождённых областях. В этом историческом деле участвует вся страна, создавая специальные фонды помощи по восстановлению освобождённых от фашистских захватчиков районов, в дополнение к большим средствам, выделяемым советским государством.

Художественная интеллигенция также стремится принять деятельное и активное участие в восстановлении искусства освобожденных районов.

Комитет по делам искусств при СНК СССР и центральный комитет союза работников искусств призывают всех работников искусств нашей страны последовать примеру куйбышевцев и принять участие в организации фонда помощи искусству освобожденных районов.

Товарищи актёры, музыканты, художники, работники цирка, работники советской эстрады, принимайте деятельное участие в организации фонда помощи искусству освобожденных районов! Быстро восстановим понесенный искусством урон. Организуем повсеместно сбор средств и имущества в фонд помощи искусству освобожденных районов! Быстрейшее восстановление разрушенных фашистами театров, музеев, концертных зданий усилит духовное вооружение советского народа и ускорит нашу победу над ненавистным врагом!

Зинаида ШИШОВА

ОДЕССА

Чердачный запах стружки и
земли...
Петушки в мутной баночке
шипели,
Чеснок и хлеб лежали на столе
Под марлею... И возле хлеба —
крошки,
Летели стайкой пузырьки в стекле,
В слепом стекле рыбацкого
окошка...
Слая «горшок», — и ветру нужен
отдых,
А море в двери лезет напролом...
Вода беснуется — такую воду
Ни развести, ни проломить веслом...
Воспоминания! Они — то в небе
тают,
То вдруг чертят крылами над водой,
А то — сразмаху в сердце, как в
гнездо,
Морскою узенькою ласточкой
влетают.
...Аркадия,—уже почти что Ницца,—
Нерусские мясистые цветы
(Мы не любили этой красоты),
И замирает «дыбодо», жужжа
На уровне второго этажа,
(Мы не любили этой заграницы).
Там моря нет. Перегородкой синей
Забито просто наглухо окно,
Горчит во рту от запаха глициний
И хлопает маркизы полотно...
Концерты! Биржа! Голос
лебединый!
В плафоны сводов бьётся он,
бемоль...
Воспоминания! Комочек красной
глины
И в ней остро поблескивает соль,
Ворошка, вымытая ручейком, —
Условный знак у входа в
катакомбы...

...Одиннадцать пришлось на этот
дом,
На сад и ясли—по четыре бомбы...
Вот это—раньше было детский
сад...
Со дня эвакуации стоят
Рвавшиеся под домами дужки...
Как схожа с кровью рыжая вода...
...Крокетная площадка... Вот сюда,
Вот именно сюда прорвались
пушки!
Убили сына. Дочку повели
С заломленными за спину руками.
Смотри, как в окна выбивает пламя,
Как дым столбом уходит от земли.
Зажмурь глаза от грохота и
блеска.
Постой на раскалённой мостовой
И хорошо запомни: город твой
Переименовали в Антонеску!
Не плачь! Слезами не поможешь
горю.
Не плачь, а, стиснув зубы,
помолчи...
В четвертый раз обшаривают море
Зеленые и синие лучи...
Внизу тугой немецкий патефон
В четвертый раз уже заводит танцы,
В четвертый раз выходит на балкон
Встревоженный начальник
сигуранцы.
И часового выгоняет страх
На белый свет луны из-под навеса,
Как им темно на светлых площадях,
Как холодно на улицах Одессы!
Как горько им от запаха акаций,
Как душно им от моря твоего...
Не плачь, а помолчи... И ничего
Не забывай—мы им за всё
заплатим!

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

Стихи Алексея Суркова

В самом начале отечественной войны на столбцах центральной газеты появилась песня Алексея Суркова. Её слова легко запоминались и в памяти, в пришев «Смелого пули боится, смелого штык не берёт» казался задумленным ещё со времен Изборска или Чортова моста. Так было угадано слово, самое необходимое в тот день войны. И в дальнейшем, в течение многих месяцев потрясающей борьбы нашего народа с гитлеровской армией, в течение уже почти двух лет, не один раз в стихах Суркова можно было услышать отголосок живого солдатского говорка, бесхитростный песенный отголосок, за которым звучала любовь к Красной Армии, понимание её нужд и души.

Алексея Суркова можно и не найти среди массы защитных шинелей, он как бы теряется в ней,— типичный русский солдат-[illegible], типичный по говору, по усмешке. Но зато если его найдёшь, обязательно примешь за представителя этой солдатской массы,— [illegible] видная для советского поэта. И удачи Суркова в дни войны были ожиданными, в известной степени неизбежными для поэта, органически связанного с армией,— для поэта, всегда помнившего о том дне, когда «на край наш спокойный хлынут новые войны пролитьем пулеметным дождём».

К тому же ещё Сурков вырос за эти два года,—и как поэт и как человек (поскольку человек отражается в стихах). Когда-то в одной из первых своих книг он обращался к своей песне и имел право сказать о ней:

Я стеклянным простого дождем
Ты в окна пролетаешь мне;
Ты себе афинский стиль
Не искала и не нашла.

Клался он своей песне и в том, что иногда-нибудь мы откроем простое слово, обжигающее сердца. Это было честно и убедительно и звучало даже не как лозунг или обещание, а просто как мечта очень молодого писателя: дескать, выразлу я не такое ещё придумаю, буду «взаголоп» жечь сердца людей.

Плох тот юноша, вступающий в литературу, который не мечтает о чём-нибудь подобном.

Должно было многое произойти в жизни всей страны, многое вырасти в нашей культуре, многое окрепнуть в самом человеке, а многое и сгнить в нём; должен был пасть, пасть, пробить час этой войны, чтобы Сурков открыл своё простое слово, если и не обжигающее сердца, то нужное и дорогое. Его неэффектный герой вовлечен в лирического героя, идущего рядом с поэтом по фронтовым дорогам, вместе с ним замерзает на [illegible], в блиндаже, вместе с ним раздумывающего о судьбе всего [illegible], вместе с ним нашедшего свой место: в стране, на фронте, во времени во всей нашей истории:

Видно, выпала выгара нам дальний
билет,
Отправляя внучкой на войну.
На четвертой войне с восемнадцати
лет
Я солдатскую дымку тянут.
...И от зуда невредим, и огнем не
палим.
Прозвенит в ли кромке огня.
Видно, мать неповинным стигмалным
сном
Окружила я сонно меня.

Это серьёзные слова, полные сердечной силы и значения, далеко не только личного [illegible], как сказанные от имени поколения.

Когда-то Александр Блок услышал в октябрьском метр[illegible] для него, заклинающие мир голоса:

Темнеющие дерзкие мы,
Центральный не дремлет мир

Через годы блоковским красногвардейцам откликнулись герои «Разлома» и «Железного потока». Бойцы сменили эпоху. Среди них были такие любимцы народа, как матрос Шванин, Сенька [illegible], герои Вишневского. Сейчас значение этих фигур в жизни всего нашего искусства кажется особенно насущным: на них воспитывалось всё поколение, защищающее сегодня нашу страну. Честь и слава писателям, создавшим этих героев. И вот сегодня поэт и солдат отечественной войны имеет право с гордостью сказать: «на четвертой войне с восемнадцати лет». В этих словах наша история, тот её центральный узел, который соприкасается с биографиями миллионов. Это подводный риф истории. Он ощутим не только в душе народа, не только в могучем дыхании фольклора. Не только там он бесспорен. Когда он звучит в стихах поэта, выпускающего книги, стоящего в ряду работников советской культуры, тогда поэт сразу вырастает на десять голов выше себя, тогда и о самом себе у него найдутся весёлые и точные слова:

По армейской старой привычке
Трехлинейки носить в руке
И тащить с чертом на кулачки
На попутном грузовике.
Пусть от стужи в суставах скрежет,
Пусть от голода зуд утробы,
Если пулю в грудь не сорвешь,
Значит — жив, значит — воевать
Тому будет звонче и метче
Слово, добытое из огня,
Фронтовой бессмертной частушки,
И в любом блиндаже родном.

Сказано без бахвальства и без позы, но и без ложной скромности. Да с чего бы и прибедняться бродягам-газетчикам? Это непривередливый малый, стойкий в беде, простодушно работоспособный. И поверьте, он окажется хорошим, и как прогрессист не подведёт, а если понадобится, сложит и отличные частушки. В его памяти масса встреч, увлекательных историй, может быть не всегда достаточно правдоподобных, но преувеличения простятся за тот жар, с которым он их выкладывает очарованным слушателям. Это лёгкий человек с [illegible] и руки золотые, и смекалка золотая, и сердце, надо полагать, отнюдь не деревянное. С ним дружили в своих странствиях по советской земле многие поэты. Он жарил медвежатину на полюсе и изобрался с дедушкою из Помпеи. Многое сделано им в годы стальных пятилеток. Сегодня он на фронте. Это герой нашего эпоса. Его видишь в стихах Суркова, видишь зримым, в подробностях характера и угадываешь их эпичность.

Сурков не молод, не стар. Хороший мужской возраст, что-то около сорока лет. Он говорит о них и в стихах, иногда с оттенком горечи, но чаще, как и подобает мужчине: дескать, ещё и поживем и [illegible]. Люди другой [illegible] обусловленности, поэты XIX века раньше нас вступали в жизнь, раньше «кричали курс наукам» и, по общему правилу, раньше старились душой. Но сколько им было послано на их век испытаний, как жестоко ни обошлась с ними судьба, всё же нашему современнику, человеку начала XX века, довелось увидеть такое, что им не могло быть доступно.

Сурков—один из тех, кто смотрел в лицо адскому пламени войны. Он рассказывает в стихах о гибели друзей, он закрывал им глаза у догорающих костров, на обгорелых дорогах, среди чёрных развалин. Он видел гибель их в чём неповинных детей, женщин, стариков. Стихи Суркова, собранные в маленькой книжке, вышедшей сейчас в издательстве «Советский писатель» («Солдатское сердце»), написаны всего за три месяца прошлой осени: июль, август, сентябрь. Это был очень суровый этап войны. На многих лицах наших друзей остались он неизгладимые морщины. Многие сердца он обутлил окончательно возмужавшей ненавистью. Как раз об этих переменах и говорит сурковская лирическая книга. Пожалуй, впервые его стих приобрёл такую упругость и отчётливость. Впервые он стал лаконичным. Ему не до слов. Чаще стала прорываться в эти стихи животворящая и жесткая, не знающая экзотичностей проза. Есть у этой прозы и другое название, более ходкое и почтенное: честность. Несмотря на огромную разницу в темах, в историческом окружении, несмотря на полную несовместимость двух лирических дарований, всё же что-то очень важным книга эта перекликается с третьим томом Александра Блока. Она перекликается пафосом возмущения и тревоги. Этот пафос не легко даётся но он [illegible] из всех, и никогда уже не изменит. За ним стоит мужество и душевный опыт бесстрашия.

Не все стихи этой книжки равноценны. В частности, цикл, названный автором «Короткими стихами» и состоящий сплошь из четверостиший, кажется мне претенциозным: зачем понадобилось вплетать эти заметки из черновой тетради?

Краткость, возведенная в принцип, заставляет предполагать отсутствие мысли и острое искусство. В данном случае этого нет. Зато многие другие, в том числе все стихи начала — «Заповедь мстителей», «Ночь над Осколом», «Город О», «На меже», «Июльский день», «Девочка и солдат», да и дальше: «Россия», «Мать», большинство стихов из раздела «Новых» — всё это наше лучшее, так точны они по внутреннему рисунку, так осмыслено в них каждое слово. Здесь приходится быть скупым и ничего не цитировать. Да и трудно было бы выбор, и жалко выдергивать строфы.

Другая новая книга Суркова, вышедшая несколько раньше, «Три тетради» — военная лирика 1939—1942 (Гослитиздат, 1942), вобрала в себя очень много ещё более неравноценного материала. Едва ли не лучшая в ней вещь «Разведчик Пашков», баллада о недорасстрелянном немцами и спасшемся бойце. Мне пришлось слышать очень темпераментное исполнение её на вечере красноармейской самодеятельности, на фронте, в жаркой землянке, сжатой дыханием двухсот человек. Чтец был награжден взрывом аплодисментов. Они относились в немалую степень к автору. В этой и других подобных ей коротких балладах, происходит обозначительное воплощение лирического героя Суркова: мир поэта населён сегодня живыми людьми, с характерной живой речью, с острыми особенностями. Надо думать, что именно этой способности [illegible] развиваться и крепнуть в зрелом творчестве поэта.

Если сейчас, в сегодняшнем, [illegible] бить, в условиях случайной остановки на полдороге или с трудом давшейся передышки, наш современник, сыгранный к историческому мышлению, живой и характерный человек гражданин Советского Союза и его мужественный защитник, оглядывается на пережитое и обращается к будущему, к потомкам,—это может быть воспринято как нечто традиционно обязательное, но с гораздо большим основанием, как слова, имеющее большой внутренний смысл и для современников. Мы принимаем его как проекцию во времени своего собственного самосознания.

Обращение Суркова к потомкам, скромное лично, не претендует на биографический смысл, как это было в знаменитой оде Маяковского «Во весь голос». Оно говорит о другом:

Слушайте, дальние наши потомки,
Слово нетускнущих с гибелью в слово,
Нужно и сильным, бессмертным поэтам
И можно сегодня нам предсказать:
...Слушайте, дальние наши потомки,
Слово-то, конечно, гибель грозит,
Нет, пробиться тонкой и зоркой,
Прелое-разведчик на лыжах скользит.

Стихотворение это перекликается со стоящим в книге рядом «Словом будущего». В обоих речь идет о «простом и напористом малом», строителе и защитнике Советского государства. Как уже было сказано, это давний герой Суркова. Они росли вместе. Сурков знает его достаточно близко и любит достаточно кровной любовью, чтобы от его имени говорить с будущим. В книге есть и непосредственно во фронтовой своей правдивости «Застольная песня», и «Песня о слепом баянисте», и стихи о скворцах, и стихи о плотнике, наводящем ночью мост для военной переправы, «плотнику и неучёнке, что за ним положила победы». Есть и ещё ряд хороших стихов в сурковской книге.

Но, милосердные боги, зачем затесались в неё тусклые, несостоявшиеся строки, которые наверняка потеряли своё значение для автора даже как дневниковые записи? Срывов и слабых, вялых мест в книге достаточно, чтобы говорить об отсутствии самокритического чутья у хорошего поэта. О них можно было и [illegible] если бы сегодняшняя работа Суркова не была так нужна советскому обществу.

Что это такое, как не жестокая проза, сле выдавленная на себя зевающим наблюдателем:

Мы здесь, как зоны. Оружие на стене
висит.
Время замешкалось и повисло
[illegible] стоящий.
Все, что казалось решительной, сразу
обыдлено.
Боем кончается день, начатый боевым
[illegible]

Как плохо и неучтиво! Это пишет другой человек и не поэт он вовсе. Такие цитаты можно было бы умножить.

Чем бесспорнее сила, сделавшая сейчас Суркова одним из любимейших поэтов армии, тем строже предъявляемый к нему счёт. Тем скорее ужиться в этом дружеском отклике высокая похвала и резкое осуждение.

«Чапаев».
Эскиз к диплому В. ШАПЛАКОВА. Выставка дипломных работ Московского Государственного Художественного института в Художественном музейном.

Вас. САХНОВСКИЙ

О театральности подлинной и мнимой

О чем пишут недавние постановку Н. Охлопкова «Сирано де Бержерак»? О повышении театральных приемов режиссера, стремящегося воздействовать на зрителя через декорации, монтировки, световые эффекты, жесты—всеми средствами сценической кухни. Мы знаем приемы мастерства Н. Охлопкова. Он всегда широко пользуется всем, что эффектно и сценически выразительно. Можно ли возражать против того, чтобы у нас появлялись все новые и новые театральные жанры? Конечно, нет. Зритель неоспоримо дискутирует, если на сцене постоянно будет все показываться одним и тем же приемами. Но, говорить по существу в последней работе Н. Охлопкова мы будем в состоянии только тогда, когда ее увидим. Сейчас же дискуссия может, повидимому, носить общий характер, и предметом ее должна стать старая проблема театральности.

Гамлет перед торжественным спектаклем в Эльсиноре в беседе с актером говорит: «Каждое нарушение меры отступает от назначения театра, цель которого во все времена была и будет: держать, так сказать, зеркало перед природой, показывать доблести ей истинное лицо, и ей истинное — злость».

А как держать зеркало? Каково должно быть само зеркало, отражающее природу? Как показывать истинное лицо доблести и злости?

В этом театр свободен, потому, что театр—искусство, и он должен обладать бесчисленными постановочными жанрами, зависящими от прелюбопытной поэзии автора в искусстве актера. Только так рождается подлинная театральность.

Можно ли сказать, что спектакль «Три сестры» в Художественном театре нетеатрален? Хотя задача режиссера и ансамбля заключалась в том, чтобы на сцене «не играли», этот спектакль, по существу, театрален, причем он театральнее спектакля «Три сестры», поставленного в МХАТ в 1901 г. А произошло это потому, что в сценическом действии живет аромат чеховской поэзии и глубинный смысл его творчества. Поэзия и мысль Чехова оказались здесь театрально выраженными.

Это значит, что театральность проявляется и в искусстве реализма и простоты. Такая театральность, выражающая через искусство актера, воплощает драматургические особенности поэтического эпоса данного произведения, данного автора. В этом случае на сцене господствуют все подробности жизни, но они призваны только помочь и способствовать созданию чеховской атмосферы, выражению чеховской поэзии, которую к зрителю доносит актер через поэтический отобранные состояния, переживания, движения, интонации.

Театральность здесь—не в преувеличении, не в неожиданных поворотах, не в нарушении правдоподобия, не в эффектах и в условности поведения действующих лиц, а в стремлении показать истинное лицо жизни, описанной автором. Но от чего же «образо удивления», как говорит Гамлет, все знакомо по театральности в той значительности, в какой значителен мир образов Чехова.

Если актер глубоко верит в действительность того, чем он живет, всё вокруг него становится театральным—и горы, и море, и скалы. Он видит себя в лохмотьях или в короне, безумным или страстно влюбленным, и всё вокруг него становится таким, каким он это видит. Так спектакль становится театральным. Но плохо, как говорит Гамлет, перестараться или недоусердствовать, так как тогда «непосвященные» примутся клевать, а «знатоки опечалятся», тогда театральность окажется сонсом, приготовленным театральной кухней, но есть будет нечего.

Гете и Ибсена, Шиллера или Сервантеса,—заключены истоки той или иной театральности.

Театральности «вообще» нет, а если спектакль «вообще» театрален, ему грозит бессодержательность и пустота. Театральность—не в эффектах света, позы или декоративного пятна, театральность—не в условности сценического поведения действующих лиц, не в хитроумной расстановке предметов на сценическом пространстве, а в верно схваченном и в верно выраженном переживании актера.

Актер заражает своей фантазией, заражает **действительным** и неповторимым переживанием. Что в богатейшем мире чувств, дум, ощущений, страстей и измерений, что в глубин, осмысливаемого единственно верно? Ничего и всё. Все верно и немедленно, если со вниманием и страстностью подойти к живым страданиям и радостям человеческой жизни. Какими же приемами это показывать? Какая система театральных приемов способна это наиболее полно раскрыть?

Все системы, все приемы, кроме одного. Не кривиться, не представлять, не позировать для занимательности и, следовательно, не снижать в пустых хлопотах того серьезного дела, которым занимается театр, «цель которого во все времена была и будет: держать зеркало перед природой и показывать доблести ей истинное лицо, и ей истинное — злость».

А как держать зеркало? Каково должно быть само зеркало, отражающее природу? Как показывать истинное лицо доблести и злости?

В этом театр свободен, потому, что театр—искусство, и он должен обладать бесчисленными постановочными жанрами, зависящими от прелюбопытной поэзии автора в искусстве актера. Только так рождается подлинная театральность.

Можно ли сказать, что спектакль «Три сестры» в Художественном театре нетеатрален? Хотя задача режиссера и ансамбля заключалась в том, чтобы на сцене «не играли», этот спектакль, по существу, театрален, причем он театральнее спектакля «Три сестры», поставленного в МХАТ в 1901 г. А произошло это потому, что в сценическом действии живет аромат чеховской поэзии и глубинный смысл его творчества. Поэзия и мысль Чехова оказались здесь театрально выраженными.

Это значит, что театральность проявляется и в искусстве реализма и простоты. Такая театральность, выражающая через искусство актера, воплощает драматургические особенности поэтического эпоса данного произведения, данного автора. В этом случае на сцене господствуют все подробности жизни, но они призваны только помочь и способствовать созданию чеховской атмосферы, выражению чеховской поэзии, которую к зрителю доносит актер через поэтически отобранные состояния, переживания, движения, интонации.

Театральность здесь—не в преувеличении, не в неожиданных поворотах, не в нарушении правдоподобия, не в эффектах и в условности поведения действующих лиц, а в стремлении показать истинное лицо жизни, описанной автором. Но от чего же «образо удивления», как говорит Гамлет, все знакомо по театральности в той значительности, в какой значителен мир образов Чехова.

Если актер глубоко верит в действительность того, чем он живет, всё вокруг него становится театральным—и горы, и море, и скалы. Он видит себя в лохмотьях или в короне, безумным или страстно влюбленным, и всё вокруг него становится таким, каким он это видит. Так спектакль становится театральным. Но плохо, как говорит Гамлет, перестараться или недоусердствовать, так как тогда «непосвященные» примутся клевать, а «знатоки опечалятся», тогда театральность окажется сонсом, приготовленным театральной кухней, но есть будет нечего.

В начале обсуждения. См. статьи «Литература и искусство» №№ 1, 7, 11.

Сим. ДРЕЙДЕН

Сибирь театральная

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

I.

Начиналась пурга. Взвивалась и рвалась куда-то вдаль снежная поземка. И как в хорошей театральной феерии, сквозь трепетные снежных хлопьев, по отлогим огромной черной горы вспыхивали и перебегали голубоватые огоньки, тени гигантские жаровни, вспыхивая раскалённым до пламени углём. На восторженное восклицание кого-то из актеров—«Какая красота!»—наш спутник сумрачно заметил: «Кому—красота, а кому—хвороба». Когда были пробные уголья ПВО, нам с этой красотой—самовозгорением угля на отвалах шлака—пришлось немало повозиться, пока не научились маскировать...».

Продолжая агитационную любоваться «красотой», мы, пробираясь по снежным сугробам, всё дальше отходили от шахтерского клуба, где только что закончился очередной «Вечер классического монолога» Ю. Юрьева...

«Эгмонт», «Отелло», «Маскарад», «Лес»—едва ли не впервые засверкали эти названия на афише клуба, возникшего на месте, где еще несколько лет назад, как нам наперебой рассказывают, «ничего не было»—ни шахт, ни домов, ни города.

—...На бой, храбрый народ! Победой ты водим... — жадно вслушивались горняки в речь народного артиста, говорившего языком бессмертной классики о сегодняшнем, животрепещущем, о чести и достоинстве народа, борющегося за свою свободу.

Днем на рапортовании Ю. Юрьев читал монолог Эгмонта горнякам, готовившимся спуститься в шахту. Едва прозвучали последние слова монолога,—на импровизированную эстраду поднялся парторгу ЦК на шахте и от имени всей смены поклялся дать сверх плана столько-то тонн угля:

— Каждый защищает свой народ, свою семью по-своему. Вы, товарищи артисты, словом художника, актера, мы—кайлом, врубовкой, отбойным молотком...

Выступление закончено, но старый русский актер, уже который раз выжимающий в шахтерам Кузбасса, металлургам Сталинска, стахановцам Кемерова, остается для беседы по душам с людьми шахты, оказывается в долгу стране. Казалось бы, разговор людей столь разных поколений и профессий пойдет, если только сдвинется с места, скорее на общие театральные темы, чем на местные шахтерские. Но Юрьев с таким неподдельным волнением говорит о личной ответственности каждого русского человека за разгром врага, так жадно, пытливо расспрашивает о жизни шахты, ставя перед собеседниками вопросы в лоб, что невольно возникает свободное, ключевое, исчерпывающее в сути недостатков производственное совещание. И когда внутри на копре шахты, после горьких дней перерыва, вновь загорелась красная звездочка (таков прекрасный, романтический обычай советских горняков—шахта, выполнившая план, зажигает звездочку на вышке)—в этом рубиновом сигнале труда, той победы была и жилка горячей крови художника-патриота.

II

Война внесла много нового в театральную жизнь Новосибирской области. На второй год войны, в области имелось семь театров насчитывалось уже семнадцать. Семья старых сибирских театров пополнялась крупнейшими художественными коллективами Москвы, Ленинграда, Украины, Белоруссии.

Двинулись с места не только театры, эвакуированные с запада. В канун своего десятилетия театр имени Серго Орджоникидзе—родственник города!—отрезал из Сталинска в Ленинск-Кузнецкий, Томский—в Кемерово, новосибирский «Красный факел» отдал свое здание ленинградцам-чушинцам и вместе в металлургический Сталинск, оттуда—в шахтерский Прокопьевск, а теперь возвращается в Новосибирск, в его крупнейшее рабочее предместье Кировское. Молодые шахтерские города, никогда не имеющие постоянной театральной труппы, Анжеро-Судженск, Киселевск, Прокопьевск,—обзавелись своими театрами. Приехали прославленные мастера сценического, музыкального искусства. Неисчерпаемая теплота образов Корчагиной-Александровской, великолепная чеканность героического слова Юрьева, духовное богатство неизбитости национальных образов Скоробогатова, тонкое и умное мастерство белорусского артиста Глебова, драгоценное искусство оркестра Ленинградской филармонии—всё это на далекой и прекрасной «синей птице» театральной славы стало своим, «домашним», сибирским.

Было бы наивно, да и просто глупо, полагать, что эвакуированные мастера искусства попали в сплошную «культурную тайгу», где любое их слово, выступление, спектакль должны были явиться откровением. Старый университетский город Томск издавна гордился своим драматическим театром. Новосибирский «Красный факел» по праву считался одним из интереснейших коллективов театральной «периферии». Постановка «Гамлета», осуществленная в этом театре незадолго до войны режиссером Верой Редлих с С. Изоиным в роли Гамлета—интересное явление в советских шекспировских спектаклей. Многому могли бы научиться столичные передвижные коллективы у актуалистов Новосибирского совхозно-колхозного театра, мастеров политически насыщенной и остро театральной агитации. На всесоюзном смотре детских театров почетное место занимает Новосибирский ТЮЗ, блестящий темпераментным молодежным спектаклем «Как закалялась сталь» (в постановке Р. Суслонова).

III.

В культурной, художественной жизни Сибири, как и в любой другой области труда, теперь новые масштабы. Заметно выросли и усложнились задачи, раздвинулись границы деятельности. «Что ты сделал сегодня для фронта?»—этот вопрос настигает вас ежеминутно на улице и в цехе, бодрящим призывом плаката, голосом радио, словом агитатора.

Когда в конце прошлого года Кузбасс не выполнил одна, суровое и справедливое указание ЦК обострило у каждого сибиряка чувство личной моральной, политической ответственности. Актеры, художники, писатели, не ограничиваясь своей «стационарной» работой, пошли на шахты, в рабочие общежития, в цехи и депо. Актеры «Красного факела» стали выезжать на рассмотрению со специальным обозрением «Шахтерский глаз», насыщенным «именно-отчетными» конкретных виновников невыполнения плана. Новосибирский ТЮЗ поставил обозрение «На пушку», по ходу которого «старый шахтер», ведущий вместе с «юнкером-внучкой» конферанс, оглашает не только последнюю сводку Совинформбюро, но и сегодняшнюю сводку выполнения плана на шахтах.

Агитаторы Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина изобретательно используют «кавалерию острот»—оружие смеха, сатиры. Во втором мартеновском цехе появился «боевой подручный сталевара—Ваня Плохой», сделанный стихотворный фельетон, рифмы которого отзывались новыми тонами металла. Вскоре в цехах показался и живой «Ваня Плохой», «фронду» которого использовали для шефских выступлений актеры Московской оперетты, играющей в Сталинске, Киселевске, Кемерова, Ленинске, в решающие дни, вместе со всем населением города выходили на погрузку, на «завал» и здесь могли мерить результаты своего труда не только зрительскими аплодисментами, но и вагонами, нагруженными тем, что так необходимо фронту.

Стремление личным трудом помочь оборонному производству высоко и благородно. Но истинная сфера искусства—люди, их души, их чувства и мысли. Воспитание человеческих душ, укрепление морально-политической мощи фронта и тыла, единых в устремлении к победе,—вот задача, которая может быть решена только средствами большого, настоящего, одухотворенного высокой патриотической идеей искусства. Театры, «раскредиторившие» все свои силы на концертные бригады и забывшие об основном своем оружии, масштабном спектакле,—также односторонне не поняли свое «место в строю», как и те, кто отгородился от активного участия в окружающей театр жизни, академически «высиживая» и в большинстве подобных случаев так и не «высидев» свою «Войну и мир». И неслучайно лучшие, передовые театры Сибири вправе рапортовать народу не только полнокровной, кипучей шефской работой (и на заводах и шахтах, и в госпиталях, в воинских частях), но и большими, яркими спектаклями. Одно подогревает, оплодотворяет другое. За время войны театры Новосибирской области показали зрителю около трехсот различных постановок «Горячее сердце», «Фронт» и «Русские люди» в Ленинградском театре им. Пушкина, «Отелло Дудлей» и «Петр Крымов» в «Красном факеле», «Слуга двух господ», «Пароль на нашего города», «Королевский» в Новосибирском Тюзе, «Заколдованный поэтом» в Белорусском государственном еврейском театре, «День жизни» и «Далекий край» в Ленинградском новом Тюзе, «Большие надежды» и «День жизни» в Центральном детском, «Табачный капитан» и «Дочь тамбурмажора» в Московской оперетте, оборонные спектакли-концерты Новосибирского совхозно-колхозного театра, фронтовая эстрада Центрального театра кукол, «Петр Крымов» в 1-м Белорусском драматическом театре, «Пароль из нашего города» в Кемеровском, «Нашествие» в Ленинск-Кузнецком театрах,—здесь перечислено далеко не всё из наиболее значительного, своеобразного среди спектаклей, осуществленных театрами Новосибирской (а ныне и Кемеровской) области в дни войны.

Не все театры сразу же поняли, что никакой ссылкой на «военные трудности» не оправдать работу ремесленную и небрежную, посредственную, беспечную. Не осознавших это было меньшинство. Но они были. И с каким трудом приходилось таким театрам и актерам чуть ли не год наверстывать потом упущенное, расталкивать ледок, ими же нарушенный на сердце своего своего зрителя...

На борту вспомогательного судна

Из фронтовых альбома К. Дорохова, 1941 г.

«Проводы в Узбекскую дивизию»

Выставка дипломных работ Московского ордена Ленина государственного художественного института в Украинского медицина.

Картина Ю. ПАЛАТОВСКОГО.

Лев ОБОРИН

Замечательный русский пианист

Семидесятилетие со дня рождения Константина Николаевича Игумнова — крупная дата в нашей музыкальной жизни. Замечательный музыкант, Игумнов является продолжателем лучших традиций русского пианизма. Точнее говоря, московского пианизма. В его игре воплотились глубокое и тонкое знание мира человеческой души, высокая человечность, которые так характерны для творчества именно московской русской композиторской школы. И не случайно Игумнов является вдохновенным интерпретатором фортепианных произведений Чайковского, Рахманинова.

Артистической натуре Игумнова присуще свойство, непременное для подлинных больших художников,—творческая неповторимость. Безупречный вкус, чувство меры, благородная культура—всеми этими качествами Игумнов наделен в полной мере. И все они лишь сопутствующие особенности его яркого и своеобразного таланта. Играет ли Игумнов пленительные и бесконечные миниатюры из цикла «Времена года» Чайковского или погружается в романтические глубины монументальных последних сонат Бетховена, сонат Листа, фантазии Cdur Шумана,—всегда и неизменно у него на первом плане стремление постигнуть то философско-поэтическое начало, которое составляет самую сущность музыки.

Общеизвестно, что Игумнов—создатель новой школы фортепианного звука. Его звуковая палитра богата, пожалуй, как ни у кого из пианистов, которых мне когда-либо доводилось слышать. Ей присущи и мощные контрасты звучностей и тончайшие нюансы, передающие все движения человеческого сердца. Но никогда краска не становится целью для Игумнова. Меньше всего он художник-импрессионист. Напротив, его не удовлетворяет «звучащая периферия» музыкального произведения. Он неизменно старается проникнуть в самые тайники, в «святая святых» композиторского замысла. Он решительно отметает внешние эффекты, которые так часто приносят исполнителю бурный, но скоропреходящий успех у публики. Его игра скромна и лишена какой бы то ни было внешней эффектации. Это чувство и мысль, слившиеся воедино и подчиненные одной лишь цели—раскрытию высоких красоты искусства.

Строжайший самоконтроль, чуткость и определенность всех творческих измерений, умение предельно ограничить себя в выборе выразительных средств придают трактовке Игумнова черты классицизма, даже некоторой аскетичности. Это умное немногословие, которое дает лучшие результаты в творчестве.

Многое в трактовке Игумнова осталось незабываемым на долгие годы. Достаточно напомнить поражающее силой проникновенности исполнение им знаменитой второй части сонаты ор. 111 Бетховена, или h-moll'ной сонаты Шопена, целой вереницы «Песен без слов» Мендельсона, второго рахманиновского концерта, fis-moll'ного вальса Чайковского.

Ученик Пабста и Зилоти, Игумнов—верный хранитель и продолжатель классических традиций русской фортепианной школы. И, вместе с тем, он, как художник, необычайно инициативен. Его трактовка всегда оригинальна, порой неожиданна. Вспоминается, как однажды на заседании пленума его кафедры в Московской консерватории мы обсуждали разные «исполнительские редакции» этюдов Скрябина. Сравнивались возможные варианты исполнения этих прекрасных произведений. Споров было много. Но когда Константин Николаевич подходил к роялю и предлагал свое толкование того или иного фрагмента, становилось ясно, что это решение не только самое верное, но и такое, какое, при всей своей простоте и очевидности, вероятно, все же никому из нас в голову не пришло бы.

В обширном репертуаре Игумнова сосредоточена едва ли не вся фортепианная литература — наша русская и западноевропейская. Игумнову принадлежит заслуга восстановления в пианистическом обиходе многих превосходных вещей, давно почему-то исчезнувших с эстрады. Так, именно он своей замечательной интерпретацией положил начало возрождению фортепианного Чайковского в нашей концертной практике. После долгого перерыва, Игумнов, первый начал вновь играть в своих программах незаслуженно забытые произведения Мендельсона, Шуберта.

То, что характеризует Игумнова-артиста, типично для него, как для педагога. Игумнов — крупнейшее явление в современной русской фортепианной школе. Он воспитал множество пианистов, в том числе таких, которые завоевали мировое признание. Среди своих сверстников и тех, кто уже в последние годы учился у Игумнова, упомяну Я. Флиера, М. Гринберг, И. Михановского.

Игумнов не любит навязывать ученикам свою художественную индивидуальность. Он стремится взлелеять молодого пианиста в том направлении, которое более всего соответствует особенностям дарования данного ученика. Оттого-то все питомцы игумновской школы так отличаются друг от друга. Но при этом обаяние игумновского артистизма, сила и убедительность его художественных принципов—непреодолимы.

Его воздействие на ученика в годы учения может показаться неприметным. Но проходит довольно время, и пианист чем дальше, тем все отчетливее начинает ощущать себя именно «игумновцем». Он прислушивается к звукам, которые извлекают его пальцы из фортепиано, и узнает столь знакомые ему краски игумновского пианизма. Он смотрит на свои руки и узнает столь знакомые ему движения игумновских рук на клавиатуре.

Игумнов никогда не останавливается в своем развитии. Я знаю его вот уже более двадцати лет. За это время он и как педагог и как интерпретатор прошел громадный путь. Он стал еще строже, требовательней к себе и к другим как музыкант. Еще более целеустремленным сделались в нём поиски больших форм, целостных линий, которые раскрывали бы произведение в его художественном единстве.

Семидесятилетие застает Игумнова активным, жизнедеятельным художником. И хочется верить, что еще долгие годы будет этот замечательный музыкант трудиться во славу родного искусства.

Корней ЧУКОВСКИЙ

Воспитание совести

I

Впервые я увидел это чудо из окна своей комнаты.

Окно выходило на восточную горячий двор, где с утра до ночи барахтались крикливые южные дети, эвакуированные в тыл страны. Отцы их ушли на войну, матери работали на оборонных заводах, а дети, предоставленные собственной праздности, росли анархической вольницей.

Они не давали прохода девушкам из соседнего двора, они бросали камни в проходящий мимо трамвай, они грабили и разоряли огород, устроенный жильцами на задворках.

Стояло знойное ташкентское лето. Среди двора был прохладный фонтан, окруженный цементным бассейном. Они стали выливать туда всякую дрянь, и по двору пошел отвратительный сирад. Они исхалячили четыре скамьи, что стояли вокруг фонтана. И разговоры их мало по малу превратились в однообразный поток сквернословия.

Ещё недавно они были несколько не хуже других. Но отрыв от семьи, от школы, растлевающее влияние соседних мальчишек, скука безделья, отсутствие книг, лютый зной, цветущий волны,—всё это в краткий срок исковеркало их нравственный облик.

Правда, порой в них всё ещё сказывались проблески прежних пионерских традиций, но проблески эти были случайны.

Особенно обеспокоила меня такая история.

Каждому из них ещё ранней весной было поручено тюрсветом по фонтанному дереву. Они посадили эти тонкие деревца вокруг фонтана, и они четыре гордились, что у них вырастут собственные абрикосы и персики, которые они поплыли бойцам на фронт, но потом стали их вырывать из корня, из дня в день, от каждой одной из бесчисленных соседей, эвакуированных на прифронтовой полосы, я узнал, как далеко отстает наша литература от их нынешних насущных потребностей. Больше, чем когда бы то ни было, необходимо теперь укреплять моральную стойкость детей, поднять их этический уровень, а детские книги говорят ни о нормах поведения по отношению к миру (и войне), это естественно), но ни слова — о нормах поведения по отношению друг к другу, к родителям, к каждой человеческой доблести, которая встречается им на пути.

И в журнале «Пионер», и в газете «Пионерская правда», и во всех книгах, изданных московским Детгизом,—всюду виднены только такие, идеально благородные отроковицы и отроки, вместившие всех добродетелей. И это отчасти понятно: в стране Зои Космодемьянской и Александра Чекалина не могут не бросаться в глаза ежедневные факты детского героизма, детских подвигов. Но нужно быть слепыми, чтобы не видеть, что наряду с этими бессмертными подвигами, наряду с той массовой помощью, которую миллионы самоотверженных советских детей организованно оказывают нашему фронту и тылу, у нас, по условиям военного времени, появилась запущенные, одичалые дети, отодранные от твердых моральных устоев, от книг, от семьи, от школьной трудовой дисциплины.

Постойте изумляться не то, что у нас есть эти беспутные подростки и дети, а то, что их всего так мало. Их гораздо меньше, чем было бы во всякой другой — не советской —стране. Но дело не в их количестве, а в том, что они являются заразой для всех нравственных, морально шатких детей.

И наша литература могла бы сыграть здесь великую роль: она могла бы обогатить всю эту колоссальную личность, внушить ей советскую нужду, дать ей ее лучшие человеческие, которой влечет в той молодой стране, в чем тяжелым до известной степени убедить ее. Но она предпочитает молчать и прикидываться слепой. Она делает вид, будто она не замечает этих сигнальщиков, будто вокруг нее одны только паинькам, которыми нужно без конца умиляться.

Она словно забыла, что в СССР есть миллионы детей и подростков, которых нам доверили бойцы, уходя на передовые позиции, что мы ответственны за них перед Красной Армией что эти дети и эти подростки очень скоро, кто в 1918, кто в 1920 году, станут полноправными хозяевами нашей страны, что в них наше ближайшее будущее, что судьба нашей родины (и значит, всего человечества) зависит от того, будут ли эти завтрашние строители жизни достойны тех громадных задач, которые на их плечи возложит история, будут ли они сознанными, благородными и нравственно стойкими.

Я не сомневаюсь, что они такими и будут в огромном своем большинстве, но что сделали мы, писатели, чтобы помочь им в труднейшую эпоху их жизни и подкрепить более слабых из них?

III

Ничего или почти ничего.

Сейчас требуется увлекательная книга о том, как хорошо быть правдивым, деликатным, отважным, добрым, и как отвратительны трусливы, грубы, хвастуны, крикливы, торгаши.

Было бы противоестественно, если бы детские писатели не стремились к тому, чтобы воспитать в наших детях военную храбрость. Военная храбрость—великая духовная сила, с ней всегда сочетаются другие высокие проявления духа. Но большинство наших детей — в тылу, и им, кроме храбрости необходимы еще многие благородные качества, в обретении которых мы должны позаботиться.

Между тем детская литература бросила со своих плеч всю ответственность за воспитание восемнадцати детей.

Создавший в своем дворе колонию, в котором я сейчас живу, и назвал гайдаровцами в честь незабвенного писателя Гайдара, неприятельская помощь которого так чудотворно повлияла на поведение сотен тысяч советских детей, мобилизовала их для помощи фронту и тылу, и тем сослужила нашему народу немалую службу. Книга Гайдара «Тимур и его команда» была единственной книгой, которая во все эти месяцы оказывала мне практическую помощь в нравственном оздоровлении отдельных детей.

Но книга Гайдара написана ещё до войны. Когда же я для своих гайдаровцев искал в книжных лавках какие-нибудь новые стихи или повести, могущие способствовать моральному воспитанию детей в той обстановке, в которой они сейчас очутились, я находил главным образом лишь такую залихватскую чушь:

Наши мины. Мы обстреляем
И машину и его.
Все бежали опешили,
Не отвяжешь мины.

Стишки эти сочинил А. Иванов, и напечатаны они в прошлом году «Кибердино» Башкирским газетным издательством.

Все они звучат, как пародия на бесчисленные стихи, которые в течение войны передавались нашим детям по радио, велись на эстрадах, воспроизводились в газетах.

Кому это нужно, чтобы дети и подростки глубокого тыла, нуждающиеся в том, чтобы мы вливали скорее прививки им тысячи кашинок, стойкости, дисциплины, работоспособности, терпения, упорства, будничного героизма в будничном незаметном труде,—кому это нужно, чтобы дети и подростки воспитывались исключительно на подобных стихах и рассказах о фейерверках, эффектных и невероятных подвигах малых детей в схватках с целыми батальонами немцев.

Именно потому, что фронтовые подвиги советских детей поэтичны и великолепны, мы не можем допустить, чтобы повествования о них превращались в равнодушный шаблон.

Ещё для детей среднего и старшего возраста можно в последнее время найти книги, служащие тем воспитательным целям, о которых я сейчас говорил, но маленькие дети, дошкольники, оставлены без всякой литературной опеки.

На психику маленьких детей, как известно, больше всего влияют волшебные сказки, ещё недавно столь недооцененные нами. Это подтверждается тысячелетним педагогическим опытом. Ибо волшебная сказка наиболее приспособлена к образному перевоплощению инстинктов, инстинктов, сознательных детей. Для них она не лакомство, а хлеб,—наиболее питательная и здоровая пища.

И меня,—особенно после того, как я соприкоснулся с гайдаровцами,—больше всего удручало, что фарфоровые, клочковатые отзвуки военных событий, заполняющих все их чувства и помыслы, не приведены при помощи поэтической сказки в некое стройное целое. Почему в самом деле среди детских писателей не нашлось никого, кто, воспользовавшись формою сказки, вскрыл бы перед малыми детьми моральную основу войны, наглядно обнаружил бы перед ними ее высокогуманные цели, показал бы им, что уничтожение фашизма есть раньше всего торжество человечности, любви, сострадания, нежности, что во всех наших жертвах и подвигах есть та же воля к победе добра над злом и правды над кривдою, какою издавна славится весь русский фольклор. Эта воля к победе добра наиболее понятна ребенку, когда она доходится в образах сказки.

Словом, мои гайдаровцы младшего возраста не что бы то ни стало понадобилась увлекательная военная сказка, воспитывающая в них не только задор молодечества, но и те нравственные начала, о которых мы сейчас говорим. Эта сказка отогнала бы их слишком отвлеченную лексику и окрылила бы их тем оптимизмом, который нужен каждому ребенку, как воздух. Но детские поэты молчат, как немые, и дети остаются без сказок.

Х. ХОРАВА

В ТЕАТРЕ им. РУСТАВЕЛИ

ПИСЬМО ИЗ ТБИЛИСИ

В дни, когда на полях страны идут ожесточенные сражения, итоги и уроки войны говорить голосом, достойным героического времени. Именно так поступил Руставели, поставив «Одно Дуадуча, как героический спектакль. Игра Дуадуча, в стремлении создать образ великого, сильного духом человека, верящего в свою победу. Хорошо сыграет эту роль по-новому и отрадно молодой артист нашего театра С. Анджапаридзе. В этом же спектакле был создан интересный образ русского сержанта, обязанный Красной Армии Е. Е. Фоминцевым (зам. артист Грузии Дм. Мамаев), С. М. Булгакову (артист Г. Антонадзе), Сосо Окуджаве (артист Вл. Авлабрели), Молодым актерам нашего театра Тенгизу Джапаридзе и талантливой молодой актрисе роль Гелиды, создан действительный образ русской женщины, безмерно любящей Дуадуча.

Хорошо был принят зрителями и спектакль «Небо Москвы». Пьеса Г. Мдивани при всех ее несомненных достоинствах материал для создания героического образа современности. В этой пьесе А. Вахвах, А. Алавидзе, Вл. Авлабрели, Р. Бенидзе, Т. Багратиони, Н. Мосашвили и др. сыграли яркие запоминающиеся образы наших героев-летчиков.

Из старых грузинских пьес наибольший успех имела на этом «Разные пропасти» и «Изменник» Сулиашвили-Кумсишвили. Обе пьесы до революции ставились в Театре Руставели. Пьесу Сандро «Фикадина» прекрасным в своей действительности и полностью в пьесе «Родина». Постановщик этого спектакля мастер А. Пагава получил за гуманно его труд, идею борьбы с пережитками капитализма. В спектакле не лишенные недостатков, но в общем интересные сцены, особо отметить изображение труда и таланта в работе народных артистов Грузии А. Вахвах, Тамары Чавчавадзе, Г. Джапаридзе, Д. Мжавия и артистов А. Тонгу. Во втором составе обратила на себя внимание молодая актриса Инна Зелеча, с большим темпераментом проведшая героическую роль Кетевана.

Работая над постановкой «Ивановы» Сурикова-Кикина, я стремился создать героический спектакль, который прозвучал, как гневный призыв к борьбе против хищнических захватчиков. Из всех этих, как и в ряде других пьесов, с такой дерзкой стороны показана себя русская молодежь, — в частности изучения театрального института Грузии.

Сейчас театр готовит пьесу Н. Окуджавы «Генерал Брусилов». Замечательную роль будет играть в Лермонтова-Выходцев, жену Брусилова—Н. Мгебрешвили, Николая II. — Г. Бенгтиашвили (всем войдет пьеса «Герои Крымской войны» Мгебрешвили, Брусилов — П. Царь Николай II, в котором Фридрих II (пьеса) «В Европе — в Азии», — любимый герой грузинского народа. Роль Николая исполняет народный артист СССР А. Вахвах.

Одновременно я готовлюсь к большой и очень ответственной работе — я буду ставить «Войну и мир».

Театр им. Руставели с первых дней войны выполнил бодрые задачи частей. Бригады, которой руководила А. Вахвах и в действующие части Закавказского и Северо-Кавказского фронтов, что выезды имели особенно значимость и для самих артистов, которые, пребывая на фронте изучали новые характеры и жизнь. Бригада под руководством народного артиста Грузии Дм. Мамаева, в которую входят народная артистка республики Тамара Чавчавадзе, заслуженная артистка Ольга Золадзе и другие артисты, принесла театр им. Руставели, ведет непосредственную работу в госпиталях и воинских частях. Военно-шефской работе мы посвятили такое же большое значение, как и работе творческой. Мы считаем, что в дни исторической войны только тот театр достоин уважения, который вместе с Красной Армией.

Театр им. Моссовета в Казахстане

Больше года работает в Казахстане Московский театр им. Моссовета. За это время театр показал шесть комедийных спектаклей Гольдони («Трактирщица», «Луна», «Забавный случай»), поставил комедию Островского «Не все коту масленица», пьесу К. Липскерова и А. Кочеткова «Надежда Дурова», литовский спектакль «Каниболы», «Шакунас» А. Афиногенова, «Олесь Дундич» А. Рассешевского и М. Каца, «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука и «Нашествие» Л. Леонова.

— Сейчас мы работаем над двумя новыми спектаклями,—сказал в беседе с нашим сотрудником художественный руководитель театра Ю. Завадский.—Я стремлюсь к тому, чтобы создать в репертуаре нашего театра, подобно шкуль-пьес, Гольдони, цикл Островского. Этот цикл начнется спектаклем о Бальзаминове, состоящим из двух комедий Островского—«Праздничный сон до обеда» и «Зачем пойдешь, то и найдешь». Роль Бальзаминова будет играть В. Ванин.

Параллельно идет работа над «Отелло» Шекспира. Мне кажется, что сейчас в «Отелло» должна с особенной силой звучать тема войны, тема любви и преданности. Роль Отелло будет исполнять Н. Мордвинов, роль Яго—Б. Оленин.

В репертуарном портфеле театра — пьесы К. Паустовского «Рыцари звездного неба» и Бела Балаша «Тихий городок».

Пребывание театра им. Моссовета в Казахстане является, несомненно, значительным этапом в творческой жизни коллектива, пополнившегося рядом новых артистов. В состав театра вошли: М. Астангов, О. Пыжова, Б. Оленин, М. Названов, Б. Бибиков и группа молодых актеров.

Работники театра оказывают творческую помощь национальному казахскому искусству, читая лекции, проводя беседы и практические занятия в театрах.

Новые постановки Большого театра

Директор филиала Большого театра СССР Г. Калушин рассказал нашему сотруднику:

— Очередная премьера театра — опера Д. Кабалевского «Под Москвой», намечена на 20 июня. Сейчас в мастерских театра заканчивается изготовление декораций по макетам художника Б. Волкова. Опера идет в постановке С. Самосуда и режиссеров П. Маркова и М. Габовича.

Балетная труппа в ближайшее время приступает к репетициям нового балета Б. Асафьева «Мидиа» (на либретто А. Бассехеса и В. Голубова), посвященного героической освободительной борьбе югославского народа. Действие происходит в наши дни. Первое представление балета состоится в конце июля.

Вслед за этим оперная труппа начнет репетировать «Любовь Ярославну» Энке (по одноименной пьесе К. Тренева), а балетная — возобновит «Щелкунчик» Чайковского.

Переходящей на 1944 год является работа по постановке оперы Н. Римского-Корсакова «Майская ночь», в связи с столетием со дня рождения Римского-Корсакова, отмечаемым в марте 1944 года.

В Куйбышеве будет восстановлена опера «Кармен» Бизе. Балетная труппа в Куйбышеве будет продолжать репетицию «Татьяны» А. Крейна по либретто В. Мосхетеля и О. Фрелиха и восстанавливать балет «Пламя Парижа» Б. Асафьева в новой литературной и музыкальной редакции.

Капитальными постановками Большого театра будут новая опера «1812 год» С. Прокофьева и «Евгений Онегин» Чайковского, к 50-летию со дня смерти великого русского композитора.

В конце текущего года начнется подготовка к выпуску опер «Борис Годунов» Мусоргского, «Дуэнья» С. Прокофьева и «Декабристы» Ю. Шапорина.

У подножия горы Фархад

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Недалеко от Ташкента, в бесводной и безлюдной местности, издавна известной под именем Голодной степи, небывалый размах получило строительство. Большое строительство на обновленной степи. На протяжении нескольких лет в незапамятные времена проходили мощные собственные, описанные в поэме Алишера Навои «Фархад и Ширин». Побывали посмотреть горы Фархад.

Работники искусства и писатели Узбекистана деятельно участвуют в стройке. За полгода месяца лучшие свои спектакли показали строители Узбекский театр оперы и балета и Русский театр драмы им. М. Горького, Ташкентский областной узбекский музыкально-драматический театр и Наманганский драматический театр. Из произведений музыкальную драму «Фархад и Ширин».

На строительстве выезжали бригады Самаркандского, Кокандского, Андижанского и Наманганского театров. Всего в концертах на Фархадстрое участвовало до 800 артистов, в том числе лауреат Сталинской премии, народная артистка СССР Ханума Ниязова, народные артисты Узбекской ССР Клим Якубов и Собиджан Мозиев и др.

С первых дней на стройке работают и узбекские поэты—Чутан, Хамиди и Н. Алуши, подготовили сборник стихов «Фарад». Книга выходит в Гослите Узбекской ССР. Один художников Узбекистана организует выставку портретов знатных людей стройки. Архитекторы готовят проект памятника «Фарад и Ширин». Композиторы, совместно с поэтами, создают песни и мелодии на тему о Фарадстрое. Из произведений выйдет в специально выпущенный сборник.

Выставка мастеров старшего поколения

В Государственной Третьяковской галлерее закончилась экспозиция выставки произведений художников старшего поколения.

В выставке участвуют И. Грабарь, К. Юон, В. Бялынский, В. Бялынницкий-Бируля, Е. Лансере, В. Мешков и И. Павлов.

В семи залах будут показаны работы, наиболее ярко характеризующие творческий путь этих выдающихся мастеров русского изобразительного искусства.

Выпускается каталог с небольшими монографическими статьями о каждом художнике. Выставка откроется в ближайшие дни.

Гравюра И. Павлова из серии «Ушедшая Москва».

На книжном базаре в Москве. Алексей Толстой даёт свой автограф моряку Краснознамённого Балтийского флота старшине Я. статьи тов. Подрезову, купившему трилогию «Хождение по мукам».

Фото Ал. Зорина.

★ ★

Весенние книжные базары

МОСКВА

Первого мая открылся в Москве традиционный весенний книжный базар на Тверском бульваре. Как и в прошлые годы, базар пользуется у москвичей большим успехом.

В первый же день было продано книг более чем на 50.000 рублей. Особенно значителен спрос на художественную и детскую литературу. К сожалению, киоскеры не в состоянии удовлетворить его — ощущается явно недостаточно.

У одного из киосков, где продавалась трилогия Алексея Толстого «Хождение по мукам», среди посетителей базара появился автор. На его долю выпала большая нагрузка — все купившие роман непременно желали получить автограф писателя. Около автора образовалась целая очередь.

Среди посетителей книжного базара — много бойцов и командиров Красной Армии из частей Московского гарнизона и фронтовиков, находящихся проездом в столице.

В числе покупателей — много студенческой молодежи и детворы, тщательно рылшейся в рядах томов, разложенных на прилавках.

ЛЕНИНГРАД

Здесь оживленно прошел первомайский книжный базар. В лавке писателей в продажу поступили интересные издания по литературе, искусству, истории, энциклопедии, в том числе инкунабулы, библии, изданная в Нюрнберге в 1472 году (книга приобретена Публичной библиотекой).

Особый интерес посетителей привлекли книжная лотерея и аукцион. На весь доход от базара, а также на единовременный заработок сотрудников книжная лавка писателей пополнит библиотеку для одного из районов Ленинградской области, освобожденных от немецких захватчиков. Подбираются новинки советской литературы, собрания сочинений классиков, социально-политическая литература, книги по истории нашей родины.

(По телеграфу от наш. корр.).

ЧЕСТВОВАНИЕ М. ПРИШВИНА

Литературная общественность Москвы отметила 8 мая в клубе писателей 70-летие со дня рождения одного из крупнейших русских писателей, певца русской природы Михаила Михайловича Пришвина. Посвятить обсуждение его славной работы и жизненной находчивости Трудового Красного Знамени, полученной им от советского правительства, выступили К. Федин, В. Асеев, А. Фадеев, А. Новиков-Прибой, Л. Шапорин, Л. Сейфуллина, С. Бондарин, А. Твардовский, М. Зощенко и многие другие.

— Время в богатом творчестве Пришвина, — сказал, открывая торжественный вечер, председательствующий К. Тренев, — посвятил окружающему его читательскому кругу. Он любим и тем, которые от детей и кончая сочинениями писателя. Своеобразие писательской индивидуальности Пришвина заключается в его основной любви к природе. Его творчество, это — как бы единый гимн о человеке, о окружающем его мире. Долгие годы спокойного труда не дискутировали остроты и тонкости изображения художественного пейзажа, богатства языка, богатства лаконизма.

В докладе В. Зелинского отмечалось творчество Пришвина — художника всего лежа русской природы. Докладчик провел параллели между произведениями Пришвина, как «Пустыня», поэма «Жень-Шень», книга «В стране непуганых птиц», дальневосточные произведения, замечательная книга «Фацелия», полная жизнеутверждающей силы и радости человека, грубого нагромождения нервов.

В. Д. Пришвин прислал письмо, полученное телеграмму Центрального Совета Профсоюзов.

Выступивший затем М. Пришвин с глубокой благодарностью поблагодарил за полученной им юбилейной награды, а тем, что награда им дана не столько за сделанное им, сколько для того, чтобы в дальнейшем было сделано еще больше и лучше. Русский М. Пришвин «Как мы, наконец, стали и дальше» из «Фацелии» прочли артисты Д. Орлов и Д. Журавлев.

80-ЛЕТИЕ ЛЕНИНГРАДСКОЙ КОНСЕРВАТОРИИ

ТАШКЕНТ. (От наш. корр.). Закончились летние учебные сборы Ленинградской консерватории, посвященные 80-летию существования консерватории. На сборах выступили профессора С. Горбатый «Исторический путь Ленинградской консерватории», композитор А. Островский «Ленинградская консерватория в дни героической войны», проф. Х. Аранович «Воспитание композиторских кадров в Ленинградской консерватории», проф. Ю. Тюлин, проф. Б. Стоун, доцент Л. Баженов и др.

Исполнительский состав музыкальной конференции, состоявшейся в дни сборов, Симфонический оркестр под управлением проф. Н. Малько исполнил на заключительном концерте сборов часть сочинений Чайковского, Л. Шостаковича и увертюру М. Штейнберга к музыкальной драме «Тахир и Зухра» на библейские сюжеты поэмы. Первый студии консерватории (педагогическая проф. С. Мейтлиной) исполнила оперу Чайковского «Пиковая дама».

На заключительном обсуждении прогрессивности исполнения картин в правительстве Узбекистана С. Большой речью выступил секретарь ЦК КП(б) Узбекистана тов. Г. Юсупов. Он отметил плодотворные итоги Ленинградской консерватории за время пребывания в Ташкенте и призвал работников консерватории оказать помощь узбекскому искусству и создавшим выполнить музыкальной культуры.

В дни сборов консерватории состоялись юбилейные заседания Ленинградского отделения Союза Советских композиторов, Почетный грамотой Ленинградского отделения Союза Узбекской ССР.

ВСЕСОЮЗНОЕ СОВЕЩАНИЕ ДРАМАТУРГОВ

21 мая в Москве откроется всесоюзное совещание драматургов, созываемое Комитетом по делам искусств при СНК СССР.

Председатель Комитета М. Храпченко сделает доклад на тему «Пьесы 1942 и 1943 гг. и задачи драматургов».

На совещании выступят Ю. Калашников («Героико-эпическая драма на материале отечественной войны»), Ф. Бондаренко («Образы русских людей в классической и советской драматургии») и ряд ведущих драматургов и театральных критиков по основным проблемам советской драматургии в период великой отечественной войны.

В работах совещания примут участие представители национальных республик, ведущие писатели и режиссеры крупнейших театров страны.

Литературный и режиссерский киносценарий

Дмитриевский Вахтанг Вахтангович, пишет по своей книге «Галтон» сценарий художественного фильма. Комментарии по делам кинематографии поручил сценарий к покупке киностудии режиссеру М. Донскому.

Сценарий некоторое время М. Донской, выполняя на стенограмме. Замечательный режиссер отметил, что в сценарии мало сценарности, мало кинематографичности, что в сценарии не хватает, Галтон, после поездки в Африку, и вообще, мало сценарности, мало кинематографичности. Технический сценарий прислали забраковать, а также фильмы, мол, ...

Недавно специальная комиссия Комитета по делам кинематографии была рассмотрена, вопрос об групповом методе создания литературных и режиссерских сценариев. Докладчик А. Галкин и выступающие в прениях М. Большинцов, З. Гоин, И. Вульфин, Ф. Эпштейн, К. Гурвич и другие отметили недостатки, имеющиеся в литературных сценариях. Роль режиссера не сводится, конечно, лишь к механической фиксации и механическому литературному произведению, а в творческой работе над литературным сценарием — это творческий процесс. Но не по, конечно, и не произвольно, не сценарны или, режиссер должен выполнять ...

Не удовлетворительно выполнили поручение Комитета Н. Лаврович, Н. Ирмаков, Н. Ирмаков, Н. Ирмаков